ПАВЕЛ САФОНОВ

EXERCISE BOOK.

Американский дневник

RULED - FEINT - LINES.

Name Сафонов

Павел Федорович

1937 - 1938 годы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Американский дневник» — подлинный документ тридцатых годов XX века. В нем описаны события 1937—1938 годов вдали от родины. Чудом уцелел этот старый потрепанный дневник. И теперь мы с вами входим в сохраненное в нем время и проживаем его вместе с участниками этого повествования. После завершения дневника не хочется расставаться с его автором, и о его дальнейшей судьбе рассказывают близкие и друзья. Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры РФ.

- Американский дневник
  -
  -
  - Дневник Павла Сафонова. Начат 10 сентября 1937 года
    - 10 сентября 1937 г. Ленинград
    - 11 сентября. Борт «Кооперации»
    - 13 сентября. Борт «Кооперации»
    - 14 сентября. Борт «Кооперации»
    - 15 сентября. Лондон
    - 16 сентября. Лондон
    - 17 сентября. Лондон
    - 18 сентября. Лондон — Саумтхамптон
    - 19 сентября. Борт «Джоржика»
    - 20 сентября. Борт «Джоржика»
    - 21 сентября. Борт Джоржика
    - 22 сентября. Борт Джержика
    - 23 сентября Борт Джержика
    - 24 сентября. Борт «Джержика»
    - 25 сентября. Борт «Джержика»
    - 26 сентября. Нью-Йорк
    - 27 сентября. Нью-Йорк
    - 29 сентября. Нью-Йорк
    - 1 октября. Нью-Йорк
    - 2 октября. Нью-Йорк
    - 3 октября. Нью-Йорк
    - 4 октября. Нью-Йорк
    - 6 октября. Нью-Йорк
    - 7 октября. Нью-Йорк
    - 10 октября. Нью-Йорк
    - 14 октября. Нью-Йорк

- 20 октября. Нью-Йорк
- 26 октября. Нью-Йорк
- 30 октября. Нью-Йорк
- 31 октября. Нью-Йорк
- 1 ноября. Нью-Йорк
- 2 ноября. Нью-Йорк
- 3 ноября. Нью-Йорк
- 5 ноября. Прощай, Нью-Йорк
- 6 ноября — Чикаго
- 7 ноября экспресс «Чиф»
- 8 ноября. Экспресс «Чиф»
- 10 ноября, Сан-Диего
- 12 ноября, Сан-Диего
- 14 ноября. Сан-Диего
- 27 ноября. Сан-Диего
- 25 ноября — «Гранд-каньон»
- 26 — ноября — Гранд-Каньон
- 26 ноября Лас-Вегас
- 27 ноября — Болдер-Дам
- Сан-Диего — 5 декабря
- 20 декабря, Сан-Диего
- 21 декабря Сан-Диего
- 25 декабря — Лос-Анжелос
- 28 декабря — Сан-Диего
- 31 декабря 1937 г — Сан-Диего
- 15 января 1938 г — Сан-Диего
- 30 января — Сан-Диего
- 12 февраля — Сан-Диего
- 18 февраля — Сан-Диего
- 19 февраля Лос-Анжелос
- 19 февраля Сан-Франциско
- 20 февраля. Сан-Франциско
- 20 февраля. В Китайском городке
- 21 февраля. Юсемитский национальный парк
- 22 февраля — Сан-Диего
- 27 февраля — Сан-Диего
- 9 марта — Сан-Диего
- 28 марта — Сан-Диего
- 20 марта. Сан-Диего
- 24 марта. Сан-Диего
- 27 марта Сан-Диего
- 5 апреля. Сан-Диего
- Сан-Диего, 15 апреля
- 25 апреля. Сан-Диего

        - 28 апреля, Сан-Диего
        - 1 мая, Лас-Вегас
        - 2 мая, Болдер-Сити
        - 2 мая, Сан-Диего
        - 8 мая, Сан-Диего
        - 20 мая, Сан-Диего
        - 20 мая, Лос-Анжелос
        - 21 мая. Борт самолета
        - 21 мая, Канзас-сити
        - 22 мая. Борт самолета
        - 22 мая. Чикаго
        - 22 мая. Борт самолета
        - 22 мая Нью-Йорк
        - 25 мая, Нью-Йорк
        - 29 мая, Нью-Йорк
        - 31 мая, Нью-Йорк
        - 1 июня, Борт Акватории
        - 5 мая, Борт Акватории
        - 7 мая Шербург
        - 7 мая, Саутхамптон
        - 8 мая Лондон
        - 8 мая Борт Дзержинский
        - 10 мая Борт Дзержинский
        - 12 мая. Борт Дзержинский
    - А что было дальше?
        -
        - Нас будут помнить вечно по оставленным в жизни следам
        - Добрый след
        - Воспоминания старшего брата
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10

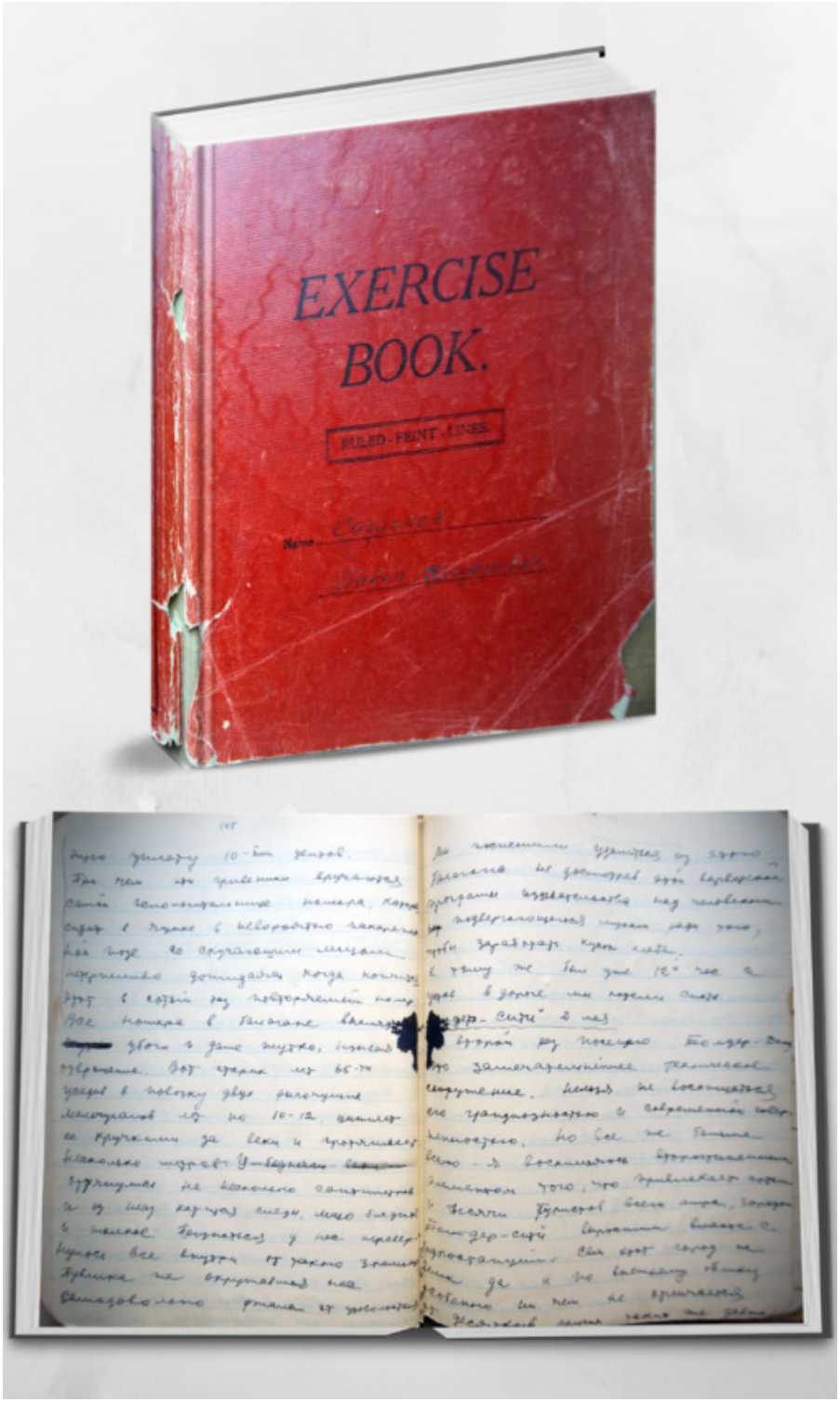
Американский дневник 1937—1938 годы

Павел Сафонов

Составитель Наталья Павловна Коноплева
Оцифровка рукописи Инна Иванова, Виктория Новикова

© Павел Сафонов, 2019

ISBN 978-5-4496-1402-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Я — Наташа Сафонова, дочь автора этого дневника.

Это дневник 24-летнего Паши Сафонова, в который он записывал удивительные события своей жизни, когда меня еще не было на свете.

Как он попал в Америку в роковые 1937—38 годы и чем он там занимался — читателям станет ясно в конце, так будет интереснее.

Он всю жизнь бережно хранил эти записи и фотографии. Они уцелели в войну, не потерялись в бесконечных переездах, не пострадали от пожара в нашем доме. Многие фотографии были снабжены подробными надписями, некоторые пронумерованы, как будто для публикации в книге… Наверное, он очень хотел видеть эту книгу. Но в те времена книги публиковали строго централизовано, под контролем властей.

И вот сегодня, в 2019 году, я сама, сидя за компьютером, одним нажатием кнопки публикую для всех эту долгожданную книгу, которую хотел увидеть мой папа.

Давно прошедшее время, давно исчезнувшие люди, их восприятие окружающего мира, их чувства, работа и отношения… Имеет ли это значение сейчас?

А вот и да! Это написал когда -то писатель Курт Воннегут:

> *«Самое важное, что я узнал на Тральфамадоре*[1]*, — это то, что все моменты прошлого, настоящего и будущего всегда существовали и всегда будут существовать. Тральфамадорцы умеют видеть разные моменты совершенно так же, как мы можем видеть всю цепь Скалистых гор. Они видят, насколько все эти моменты постоянны, и могут рассматривать тот момент, который их сейчас интересует. Только у нас, на Земле, существует иллюзия, что моменты идут один за другим, как бусы на нитке, и что если мгновение прошло, оно прошло бесповоротно.*
>
> *Когда кто-нибудь умирает, тральфамадорец думает, что этот человек в данный момент просто в плохом виде, но он же вполне благополучен во многие другие моменты…»*

Вот и сейчас большая, сложная и интересная жизнь моего отца остается такой, какой была: работа, книги, мысли, поступки. Теперь она будет всегда доступна, нужна и важна для всех.

И уже не имеет значения, что в какой-то момент в мае 1985 года года его жизнь временно была «просто в плохом виде»…

Счастье, что уцелел этот старый потрепанный дневник. И теперь мы с вами входим в сохраненное в нем время и проживаем его вместе с участниками этого повествования.

В информационном поле Вселенной ничто не исчезает, всё остается навсегда.

Дневник Павла Сафонова. Начат 10 сентября 1937 года

10 сентября 1937 г. Ленинград

Грохочут цепи якорей. Короткие слова команды. Теплоход «Кооперация» медленно отчаливает от берега. Быстро прошли канал, вышли в залив. Вот Кронштадт, в синеватых сумерках тонут серые громады его строений. Впереди темная синева бескрайнего моря.

До свиданья, Дорогая Родина!

11 сентября. Борт «Кооперации»

Хорошо освоились с обстановкой на теплоходе. Я еду в удобной каюте 1-ого класса. Здесь кормят 4 раза в день и очень хорошо, как в санатории. Находясь в окружении иностранцев, главным образом говорящих по-английски, мы начали потихоньку изучать английский язык.

12 сентября. Борт «Кооперации»

Получили первое крещение открытого моря: начало покачивать. На море «мёртвая зыбь». Это когда море в состоянии после большой бури — бурной зыби не видно, погода как будто спокойная, но зато огромные спокойные волны, даже на первый взгляд незаметные, как пёрышко покачивают наш корабль. Говорят, что это самая тяжело-переносимая качка (хуже, чем в шторм). И я это испытал на себе. Буквально нутро выворачивает.

13 сентября. Борт «Кооперации»

В 13 часов вошли в Кильский канал, соединяющий Северное и Балтийское моря и пересекающий Германию. Причалили к берегу. 20 минутная остановка пока высаживали пассажиров и шлюз наполнялся водой. На берегу было безлюдно почти. Всё окружающее кажется странным. И строения в каком-то особенном готическом стиле с вывесками и непонятными надписями, и люди в непривычных для глаза костюмах, и этот настоящий полицмен (точь-в-точь, как приходилось видеть на картинках) важно расхаживающий у трапа.

Тронули дальше. Предстоит 8 часовой путь по каналу. Погода прекрасная приятно отдыхает после качки. Канал очень узок — берега несколько метров от борта. Почти ежеминутно встречаем большие и малые разных национальностей судна. Расходимся с ними буквально впритирочку. Хорошо наблюдать с верхней палубы красивые места. А всё окружающее действительно живописно. Я бы сказал, даже несколько по-бутафорски. Встречающиеся большие и малые поселения поражают своей исключительной чистотой и аккуратностью, домики обычно каменные под черепицей с высокими острыми крышами, очень опрятны.

Вообще говоря, канал выглядит чисто, как пруд в хорошем парке. Через канал перекинуто множество больших стационарных и малых разводных мостов, поражающих своей исключительной легкостью и остроумностью железных конструкций.

Вечером, когда стемнело, вышли опять в открытое море.

14 сентября. Борт «Кооперации»

Сегодня жизнь на теплоходе протекала нормально без всяких событий и неожиданностей. Вокруг — пока видит глаз — бескрайнее и однообразное море…

15 сентября. Лондон

Сегодня жизнь на борту «Кооперации» началась рано.

В 9 часов мы должны придти в Лондон. В 7 часов все уже были на ногах. Я чуть не проспал — меня разбудили в восьмом часу, когда уже в тумане ясно вырисовывались очертания берегов, а затем черные громады заводов, судостроительных верфей и всевозможных железных конструкций. Во всём окружающем чувствовалось мощное дыхание высокой техники и близость огромного индустриального центра.

Мы вошли в реку Темзу, откуда начинались предместья Лондона, этого уникального города с 9-миллионным населением. Около полутора часов шёл наш теплоход по реке, зажатой, как в тисках, среди всё нарастающих громад корпусов. Набережной, собственно, нет здесь — прямо как будто из воды вырастают стены домов. Вот влево дома расступились, образовав небольшую площадь, в глубине ее подковообразное здание с колоннами, а еще выше над этим на холме небольшая часовенка — это здесь проходит Гринвичский меридиан и установлены самые точные часы мира.

Оставив борт своего родного теплохода и ступив на чужую землю, мы сразу почувствовали себя иностранцами. Ощутили всю тяжесть незнания английского языка. Люди куда-то торопятся, о чем-то разговаривают, а мы стоим, как манекены, ничего не понимая, ждем, пока кто-то к нам подойдет.

Но наконец берег опустел — все пассажиры разъехались. Мы начали тревожиться за свою дальнейшую судьбу. Наконец к нам подошел человек, хорошо говорящий по-русски, это был представитель Интуриста. Он нам объяснил, что нас должен был встречать представитель пароходной компании «Кунард» на пароходе, которым мы должны следовать дальше, и он-таки, как впоследствии выяснилось, нас встречал, но мы, «в совершенстве» не зная английский язык, не могли его об этом спросить. Не встреться случайно нам этот представитель «Интуриста», трудно вообще представить, что бы с нами могло быть.

Итак, с помощью представителя «Интуриста» мы были доставлены в отель компании «Кунард», которая обязана была содержать нас в Лондоне до отправки в Америку.

В отеле мы получили каждый по отдельному номеру, переоделись и направились в «Интурист» на такси. Когда подъехали к Интуристу, с нами опять приключилась пресмешная история: мы в течение 20 минут не могли сговориться с шофером,

сколько с нас причитается. Мы испробовали всякие эксперименты — заставляли его писать на бумажке, что он хочет, давали ему фунтовую бумажку, чтобы он дал сдачи, сколько он считает необходимым… Счетчик же показывал всего один шиллинг, поэтому мы ему дали наконец сразу 2 шиллинга (с запасом) и повернулись уходить, думая что этого уж вполне хватит, но, горячо жестикулируя, он нас остановил. Мы, конечно, подумали, что это он в порыве честности все же хочет нам дать сдачи с 2 шиллингов. Поэтому, сделав ему знак «дескать, дядя, ничего, это пускай тебе на чай», мы удалились, несмотря на его крики. В Интуристе нам объяснили, что благодаря тому, что у нас были седоки сверх нормы, с нас причиталось 2 ½ шиллинга, таким образом, получилось, что на чай не мы ему, а он нам полшиллинга дал.

Нам очень повезло — в Интуристе нам предложили одного переводчика, 30 лет назад уехавшего из России и прекрасно знавшего Лондон. Его услуги стоили один фунт стерлингов в день.

Это был презабавнейший старик, по национальности еврей, звали его Яков Иванович. Страшно не любил, когда его называли дедушкой. Нас он называл «товарищами».

Он был услужлив, как нянька, и надо сказать, что если бы не он, то Лондона мы так бы и не увидели, поэтому мы при окончательном расчете добавили ему.

Когда он нас возил по Лондону, мы его засыпали тысячами вопросов, причем в большинстве своем вопросы были пустяковые, и он ни одного вопроса не оставил без внимания, на каждый давал исчерпывающий ответ. С ним мы себя чувствовали, как рыба в воде, но как только разлучались на обеденный перерыв, так опять становились беспомощными, даже не зная, как заказать себе обед и что ответить официанту с вопросительным лицом. При этом мы заваливали себя кучей словарей, но наконец, уже вспотевши, сочиняли и с трудом выдавливали фразу «Гив ми вот ю лайк», что означало «давайте по вашему усмотрению», — и официант с улыбкой отходил.

Сегодня с Яковом Ивановичем мы забравшись на 2-й этаж автобуса (здесь все двухэтажные), где можно курить. Часа полтора колесили по Лондону. Затем поехали в «Гайд парк» — самый большой парк Лондона, там видели постоянно действующий митинг, на котором с утра и до вечера, как нам об’яснили[2], выступают представители разных политических партий.

Побывали у королевского дворца, где видели часовых в очень забавной форме, не менее забавно маршировавших. Несмотря

на теплый день, они были в огромных мохнатых шапках — это форма королевской охраны.

Когда стемнело, подошли к зданию парламента, затем долго бродили по городу, рассматривая витрины магазинов, наконец в 9 часов спустились в подземку и уехали домой. Подземка здесь очень большая — протяженностью около 200 км, но безусловно значительно беднее нашей московской.

Я только один день в Лондоне, но у меня голова кружится от многообразия впечатлений. Чтобы описать все то, что видел, и все свои впечатления — надо много времени. Скажу только одно, что Лондон очень красивый город, и во многом, а главное по климату похож на Ленинград, только в несколько раз больше.

Сильно хочется спать и от впечатлений сегодняшнего дня болит голова…

16 сентября. Лондон

Сегодня, как условились вчера, аккуратно в 9 ч. утра явился к нам в отель Яков Иванович, и мы опять начали осмотр Лондона. Прежде всего мы направились к Королевскому дворцу, где, где в 10.30 должна была производиться смена дворцового караула. Это преинтереснейшее зрелище, пользующееся большой популярностью у англичан. Церемонии при этом длятся около получаса, в сопровождении очень хорошего оркестра. Очень оригинальна форма бойцов — они в красных кителях и в высоких мохнатых шапках. В каждом их движении чувствуется муштра, и я бы сказал, тонкая выучка, ибо каждый из них — это настоящая балерина, а все вместе взятые — это хорошо отрегулированный механизм, действующий от одной кнопки. Очень интересный у них марш — они ходят с каким-то забавным притопом. Вообще говоря, в каждом приеме этого длинного церемониала чувствуется глубокий консерватизм англичан, ибо видно, что все эти обычаи существовали по крайней мере десятки, а может быть и сотни лет назад.

Еще мы успели сегодня в технический музей, вернее за полдня мы осмотрели только четверть его, и то бегло. Богатейший музей мира, по-моему, не имеющий себе равных. Здесь собраны такие экспонаты, как паровая машина Уатта и паровоз Стефенсона (в подлинниках), а также и последние достижения мировой техники. Очень положительным является то, что все музеи Англии бесплатные, благодаря колоссальным бюджетам, отпускаемым им ежегодно правительством.

Вечером побывали в кино «Новости дня». Работа кинотеатра организована очень хорошо. Продолжительность сеанса около часа, но входить и выходить можно беспрерывно, причем места не нумерованы т.к. экран находится достаточно высоко и далеко от первых рядов. Вообще говоря, видимость везде прекрасная, и хождение никому не мешает. В кинотеатре можно курить, в то же время воздух очень чист, т.к. прекрасно организована вентиляция.

17 сентября. Лондон

Сегодня осматривали Британский музей. Вряд ли есть музеи в мире, равные по своей величине, богатствам и универсальности этому музею. Здесь немало собрано экспонатов за несколько тысячелетий до нашей эры. Здесь рукописи знаменитых людей мира и т. п.

В конце дня занимались покупками, купили себе по одному костюму.

18 сентября. Лондон — Саумтхамптон

В 8 утра за нами заехала машина, на которой мы были доставлены на вокзал, откуда поездом выехали в портовый город Саумптхамптон[3]. Здесь езды всего 3 часа.

Вагоны в здешних поездах маленькие и разбиты на несколько купе, имеющих с одной стороны совершенно отдельный ход на перрон и с другой стороны ход в общий коридор. Каждое купе имеет 8 мест сидячих, да и вообще в Англии спальных вагонов нет, так как здесь езды в любой конец не больше 10 часов.

Благополучно разместившись в каюте океанского теплохода «Джержик» (27000 тонн водоизмещением), мы в 13 ч отчалили от берега. Судно это огромное, имеет большую кают-компанию, в которой по вечерам устраивают либо концерт, либо кино. Имеются несколько ресторанов-столовых. Кормят 4 раза т.е. 2 завтрака, чай и в 8 ч. обед. Кухня очень разнообразная, т.е. завтрак или обед состоит по меньшей мере из 5 блюд разных, но очень небольших, причем в свою очередь каждое блюдо из разнообразнейших приправ.

При этом в начале обеда, так сказать «для затравки», они обязательно дают что-нибудь сладкое либо гибрид апельсина с лимоном. Вообще здесь блюда отличаются какой-то особой остротой. Хлеба здесь употребляют очень мало, и то в виде маленьких поджаренных булочек. Очень туго привыкаем к здешней кухне. С каким бы аппетитом сейчас утратил хорошую тарелочку (а то и две) настоящего украинского борща с капустой.

Мы сидим за столом 6 человек, подобрались все хорошо говорящие по-русски, но почти никто по-английски. Несмотря на это с кельнером из’ясняемся хорошо, он понял наше безвыходное положение и в начале обеда обычно приносит несколько блюд, а мы выбираем.

19 сентября. Борт «Джоржика»

Вышли в океан. Идем полным ходом. Погода хорошая. Еще предстоит 7 дней плавания.

Вечером в кают-компании был концерт джаза. Музыка мне очень не понравилась — какая-то тягучая, нет живого. Танцуют западные танцы далеко не так, как у нас.

20 сентября. Борт «Джоржика»

К вечеру разыгрался ветер, слегка стало покачивать.
Вечером в кают-компании смотрели кино.

21 сентября. Борт Джоржика

Проклятая погода! Океан разбушевался вовсю. Сильно качает. Наш огромный теплоход бросает, как щепку.

Только что солидно пообедал и не менее солидно «с'ездил в Ригу», освободив желудок сразу и от обеда, и от завтрака. Ложусь спать, когда лежишь, качка меньше ощущается.

22 сентября. Борт Джержика

Сегодня в ресторан я зашел минут на десять позже обеденного звонка. На пороге я остановился в изумлении: что только творилось в зале. В воздухе стоял свист, мяуканье, кукареканье и прочие нечеловеческие звуки, люди за столами сидели в каких-то колпаках, причудливых шляпах и разнообразнейших шутовских масках. Оказывается, это был маскарад за обедом. Каждого пришедшего на обед ждал сюрприз — на столе лежала маска и какая-нибудь звукоиспускающая детская игрушка.

Мне досталась маленькая сирена и обезьянья шляпка, которую, конечно, пришлось одеть. Зал был убран всевозможной бутафорией, обед прошел очень весело.

Погода сегодня значительно улучшилась и гораздо меньше качает — вхожу «в свою тарелку».

23 сентября Борт Джержика

Превеликолепнейшая погода! Ни малейшей качки. Я настолько себя хорошо чувствую, что даже два раза купался (здесь есть бассейн).

Одна англичанка, хорошо владеющая русским языком, читала сегодня судовую газету (здесь выходит ежедневная газета), так что сегодня я в курсе мировых событий. Нам еще осталось три дня ходу, но уже пахнет землей — появились в океане чайки, предвестницы близости земли. Скоро будем проходить острова, а там рукой подать и до материка.

24 сентября. Борт «Джержика»

Сегодня жизнь на корабле протекала нормально. Встретили какой-то большой океанский теплоход.

25 сентября. Борт «Джержика»

Все чаще и чаще встречаются суда. Чайки почти все время сопровождают теплоход. Кажется, земля совсем близко. В 12 ч. на карте Атлантического океана в салоне нашел точку, на которой мы находимся. Оказывается мы почти у самого Нью-Орка[4]. В 6.30 сегодня в ресторане был прощальный маскарад-обед, сегодня я выглядел «жокеем».

После обеда мы оставили нашему «Стевену» (официанту) по 2 доллара на чай, здесь так заведено, это неписанный закон, ибо когда обедавший вместе с нами поляк дал на чай только один доллар, то Стевен с явно обиженным лицом подошел к нему и прочитал ему длинную нотацию, настойчиво требуя доплаты еще один доллар. При этом он все время указывал на нас, что «Рашенс гэйв ту долларс» (Русские дали по два доллара).

Здесь очень быстро наступает темнота. Вот она совсем поглотила горизонт. Вдали же заметно замерцали огни. Вот их все больше и больше, и разгораются они все ярче и ярче, а вверху над тем местом, где показались огни — целое зарево, как перед восходом солнца.

Еще полчаса, и море огней залило горизонт — это Ньюй-орк.

Мы входим в бухту. Уже отчетливо можно разобрать среди мириадов огней мигающие световые рекламы.

Теплоход, сбавив ход, развернулся и встал на якорь.

К борту подошел катер, с него на борт взошло несколько человек — это контролеры, которые в течение ночи будут проверять наши багажные анкеты и документы. Здесь на рейде мы простоим до утра, в 8 часов завтра причалим к берегу.

Сейчас ложусь спать, сегодня можно хорошо выспаться, так как машины остановлены, и теплоход находится в абсолютном спокойствии.

«Что день грядущий мне готовит»…

26 сентября. Нью-Йорк

В 10 часов, закончив все таможенные процедуры, мы высадились на берег. Нас встретили, а через час мы уже подкатили на машине к гостинице. Разместились очень хорошо, номера неплохие, каждый номер имеет отдельную ванную и уборную, так что я там решил принимать душ не менее двух раз в день. Гостиница находится в самом центре около знаменитого Эмпайр-Стет-Бельдинг[5], высочайшего небоскреба мира, у 5-й авеню.

Часов до 4-х гуляли по городу. Везде в магазинах, в столовой встречали много людей, говорящих по-русски. Затем, вернувшись домой, пару часов отдохнули и в 7 часов, поужинав в кафетерии, пошли в знаменитый Радио-Сити. Это наилучшее зрелищное предприятие Нью-Йорка, правда, дорогое, и поэтому не всякому американцу доступное. Это огромнейшее кино типа мюзик-холла, там идет сразу по несколько картин вперемешку с концертными и мюзик-хольными номерами. Технически оно организовано прекрасно — здесь нет ни одного места, откуда бы была плохая видимость, слышимость замечательная, оборудовано оно шикарно. Сегодня наряду с двумя картинами в большинстве были балетные грандиозные номера. — Ах какой это замечательный балет — это совершенство искусства.

Вся программа длится 3 с лишним часа, но здесь вход и выход, так же, как и в лондонских кино, беспрерывный…

Сейчас, приняв душ, лежу на удобной тахте и пишу эти строки. Сегодня изрядно устал, поэтому надо дрыхнуть.

27 сентября. Нью-Йорк

Кажется, совсем освоился в Нью-Йорке. Уже спокойно хожу по городу один, не рискуя заблудиться, да здесь и невозможно заблудиться. Нью-Йорк — это шахматная доска: вдоль идут «авеню», а поперек — «стриты». Причем и то, и другое без всяких названий, которые трудно запоминать, а просто по порядку номеров. Сегодня был на 42-й улице (стрит) в кино, где смотрел русский фильм — «Депутат Балтики».

Закончив оформление всех дел, связанных с приездом, завтра с утра приступаю к своей основной работе.

29 сентября. Нью-Йорк

Приступил к работе. Сегодня уже работал с полной нагрузкой. Ох, как трудно разминать мозги и кости после трехмесячного безделья. Чувствуется, что основательно разленился.

1 октября. Нью-Йорк

Сегодня, будучи членом комиссии по приемке машины для экспедиции по розыскам Леваневского, ездил на аэродром, это близ Нью-Йорка около 1 ½ ч езды. Ездил на легковой машине.

Езда туда и обратно — это приятная прогулка. Прекрасное, как зеркало, асфальтовое шоссе широкой лентой извивается по парку, мимо прудов, по зеленому полю через мосты. Туда к заливу машина мчится со скоростью 60 миль в час (85 км) под легкий джаз собственной радиоустановки.

Нежаркое, но яркое солнце ласкает своими лучами — погода замечательная! Вообще мы приехали в удачное время — в это время стоит в Нью-Йорке обычно самая наилучшая погода. По-нашему это будет — «Бабье лето» но оно здесь, говорят, более продолжительное. Летом же здесь, говорят, от жары невозможно жить, т.к. высокие железобетонные небоскребы сильно накаляются, да к этому еще надо прибавить, что в этих глубоких каменных ущельях-улицах 2 миллиона автомашин испускают зловонный запах.

2 октября. Нью-Йорк

Сегодня опять ездил на аэродром. Сначала было самочувствие прекрасное, но потом, когда возвращался и машина вошла в тесные загруженные автомобилями улицы, от частых внезапных остановок, большого диапазона скорости и удушья изрядно начало помучивать. Я остановил машину, зашел в кафе чего-нибудь выпить, мне посоветовали кока-кола, я о ней много слыхал и с удовольствием выпил, но тотчас, как вернулся в машину и тронулся в путь, то меня опять так всего развезло, что чуть не вывернуло наружу. Сегодня суббота — кончили работать, как здесь принято, в 1 час дня. Вечером в своем клубе смотрел звуковой фильм «Тринадцать».

После были танцы, но я при всем своем желании танцевать, так и не танцевал, т.к. на каждую партнершу было по 5 и более партнеров, поэтому они были нарасхват.

3 октября. Нью-Йорк

Сегодня воскресенье, т.е. выходной, днем катался по городу, забрел на окраины.

Вечером был в кино, смотрел русскую картину «Последняя ночь»

4 октября. Нью-Йорк

Сегодня смотрел частную квартиру. Подумаю — может, перееду. Уже больно не нравится гостиничная остановка, да к тому же там значительно дороже.

6 октября. Нью-Йорк

Сегодня распрощался с гостиницей, переехал на новую квартиру, на 102[й] авеню. Это далеко от делового центра Нью-Йорка. Но зато в жилом аристократическом центре, здесь почище воздух и поменьше шума.

Живу почти у самой набережной. Хотя и далеко ездить отсюда на работу, но при наличии прекрасного сообщения это занимает мало времени, всего минут 15.

Лучше всего ездить подземкой (сабвей), причем подземка имеет 2 пути, один с частыми остановками и другой экспресс, где останавливается поезд через 5—7 обычных остановок и развивает бешеную скорость.

По отделке, да пожалуй, и по технической оснащенности местной подземке, конечно далеко до нашего метро. Вентиляция здесь скверная — душно, залегает она очень неглубоко, крыша тоннелей — это, по сути, есть мостовая улицы.

Кроме этого, есть воздушная железная дорога. Это, я бы сказал, варварское насилие высокой техники над культурной жизнью человека. Построена она в годы сильного технического и экономического прогресса Америки, просто, по-моему, вследствие «шибкого» увлечения техникой. Ценности же никакой она не представляет и по существу не нужна здесь. Не говоря уже о том, что она издает адский шум и навсегда закрыла от солнца улицы, здесь и без нее по таким мощным артериям, как Бродвей, достаточно незагруженных средств передвижения, чтобы обеспечить нормальное движение: там и без того курсируют автобусы, трамвай и 2 линии подземки.

Ну, жить буду здесь на новой квартире припеваючи. Комната большая, прекрасно обставлена, имеется ванная, уборная, мягкая мебель, пол застелен большим ковром, в общем, комфорта значительно больше, чем в гостинице, и стоимость в 2 раза меньше: всего 3,5 доллара в неделю.

7 октября. Нью-Йорк

Сегодня, побродив после работы по городу, спустился в подземку, чтобы добраться домой, но попал, как оказалось после, не в тот тоннель, и поезд меня умчал в Бруклин (раньше был самостоятельный город, теперь часть Нью-Йорка). «Очухавшись», пересел на обратно идущий поезд, он назад пошел по совершенно новому направлению, доехав до тупика и не вылезая наружу, я опять пересел на другой поезд, интуитивно будучи уверен в правоте своего решения, но и опять заехал в совершенно противоположную часть города. Так ездил около 2-х часов, все за один пятачок (здесь, когда спускаешься в тоннель, то опускаешь в автомат 5 центов, и он тебя пропускает). Причем из подземки я каким-то путем выехал наружу и в конце концов уже путешествовал по воздушной сети. Наконец, это надоело, высадившись на 2й авеню и 2й стрит, я пошел пешком и через час наконец добрался домой, таким образом я прошел поперек весь Мангетанский остров (центральная часть Нью-Йорка). Во всем этом я разобрался только сейчас по карте, которую купил, когда возвращался домой.

Теперь я блуждать больше не буду.

10 октября. Нью-Йорк

Вчера был на организованной экскурсии в музее истории Нью-Йорка. Замечательный музей.

Оказывается, тот остров (Мангетманский), на котором стоит Нью-Йорк, был когда-то куплен голландцами у индейцев всего за 24 доллара!

Сегодня воскресенье. Вечером побывал во «Френч-Паласе» (Французский театр.) Их здесь много. О! Это заведение достойно внимания. Я слыхал о его содержании и решил посмотреть «для коллекции». Но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Это театр, в котором участвуют в большинстве женщины. На сцене даются исключительно, мягко выражаясь, балетные номера. Но что это за балет! В начале исполнения женщины, как правило, выходят в нормальных костюмах, но в процессе выполнения потихоньку освобождаются от костюма поочередно, начиная от верхнего платья до панталонов, и в конце номера под дикий восторженный свист зрителей остаются в чем мать родила. Причем содержание номеров самое препохабнейшее. Ушел я оттуда с отвращением, но доволен. Доволен тем, что теперь всем могу сказать — видал собственными глазами.

14 октября. Нью-Йорк

Сегодня, выкурив последнюю пачку советских папирос «Северная Пальмира», окончательно бросил курить, решившись на этот раз не поддаваться соблазну хотя бы до момента окончания командировки.

20 октября. Нью-Йорк

Сегодня был на экскурсии в Колумбийском университете, осматривал его огромнейшие аудитории, лаборатории, бытовые помещения студентов, все это расположено в его 60 корпусах, существует он 200 лет.

Трудно изложить свои впечатления о нем — вообще мы знаем, что это мировое учебное заведение, и в свете его огромного авторитета то, что можно на первых порах наблюдать глазами, выглядит довольно жалко — особенно оборудование лабораторий, самое допотопное, но это конечно далеко не определяет внутреннего содержания университета.

Здесь слушатели получают самое универсальное образование, начиная от изучения варки щей и кончая высотами технических наук.

Между прочим был один любопытный случай — осматривая жилища студентов, мы зашли в одну квартиру, состоящую из 3-х комнат и занимаемую, наверное, довольно состоятельным студентом. Обратила на себя внимание всех висевшая на стенке у письменного стола карта пятилетнего плана СССР, а на письменном столе среди груды учебников лежали также труды Маркса, Ленина, кроме этого валялось несколько вырезок из «Комсомольской правды», главным образом касавшихся конституции и предстоявших выборов.

Этот «ребус» так и остался для меня неразгаданным.

26 октября. Нью-Йорк

Сегодня исполнился ровно 1 месяц пребывания в Нью-Йорке. Основательно обжился, и время теперь летит значительно быстрей, кстати очень много работы, и поэтому не замечаем, как идет время. Особенно хорошо работать, когда имеешь перед собой ясную перспективу и какой-то финиш. А финиш я имею вполне ясный, мне поручена определенная работа, закончив которую, я должен буду ехать в Калифорнию. Вот я и жму теперь и думаю, что в первых числах ноября выеду-таки в Калифорнию. Там, пожалуй, придется пробыть довольно долго, но это к лучшему, а то здесь уже наступила осенняя погода, там же вечное лето.

Вот не курю уж 12 дней и не тянет.

30 октября. Нью-Йорк

Сегодня суббота. Как и обычно по субботам, я был сегодня на экскурсии на одной из 18ти в Мангетманской части Нью-Йорка городской электростанции.

Это мощная электростанция В-260000 kv с 3-мя турбогенераторами (2 по 60000 kv и 1 в 14000) работающая на базе угольной пыли, перемалываемой на специальном угледробильном заводе тут же. Это повышает коэффициент использования энергии топлива и значительно упрощает и удешевляет весь процесс питания котлов топливом, что является одним из первостепеннейших элементов работы больших электростанций. Кроме того, у них ни одна пылинка угля не пропадает, не улетает в трубу, т. к. на вершинах труб установлены специальные сетки, которые наэлектризованы положительным электричеством и естественно притягивают к себе все взвешенные частицы угля, не успевшего сгореть в топке, этим не только экономится большое количество пыли, но и предохраняется город от копоти.

31 октября. Нью-Йорк

Сегодня был на Эмпайр-стэйт билдинг. Огромное впечатление производит прекрасный вид Нью-Йорка с высоты 102-го этажа (400 метров). Поднимался на самый верх с двумя пересадками, причем до 80го этажа поднимался на лифте экспрессе прямого сообщения, что заняло всего 38 секунд.

Надпись на обороте открытки: Это знаменитый Эмпайр Стейт Билдинг, около которого я жил. Сейчас с ним рядом мое место работы. Он стоит прямо перед окном моей рабочей комнаты. Работаю я на 20 этаже. Внизу направо от Эмпайра самая центральная улица Нью-Йорка — 5-я авеню. Почти против него через улицу на правой стороне — наш Амторг.

Наверху у фонографа «напел» две пластинки, одну

отвлеченного содержания и одну адресованную Любе, а специальных деревянных иголок там купить забыл, не знаю, найду ли их в магазинах.

Побывал также сегодня на автомобильной выставке в Гранд-Паласе, где демонстрировались модели 1938 года, особенно поразил своей роскошью и изяществом «Кадиллак».

1 ноября. Нью-Йорк

Вчера было воскресенье, сегодня понедельник, а завтра опять нерабочий день — это национальный праздник по случаю выборов. Сегодня после работы проводил одного приятеля на вокзал, уезжавшего в Пенсильванию. Долго бродил по Бродвею. Сегодня на улицах особенно многолюдно — не протолкнешься, по случаю предстоящих завтра выборов улицы разукрашены флагами и реклама — с небоскребов, как снег, сыплются целые тучи листовок, почти на каждом шагу митинги, прямо на улице с машины или просто на тротуаре выступают ораторы. Улицы забиты разукрашенными машинами, на каждой из них, набитой битком людьми, своеобразный карнавал, пассажиры разодеты в причудливые карнавальные костюмы. На больших машинах, на автобусах всевозможные шумовые оркестры, от этого, а также от непрерывно воющих сирен автомобилей и транслирующихся через мощные репродукторы речей ораторов на улицах стоит адский шум.

Я бы сказал, это грандиозный уличный всеобщий карнавал.

Я вернулся домой в час ночи, а людей на улице стало еще больше.

2 ноября. Нью-Йорк

Сегодня я провел день очень культурно. Позавтракав в 12 часов, был в огромном бассейне в одном из отелей, туда делали коллективную вылазку. Прекрасный большой бассейн, при нем огромный физкультурный зал, я занимался физкультурой, загорал у специальных прожекторов — хорошо! Как на пляже.

Оттуда вдвоем с приятелем отправились в Гранд Централ Парк, взяли там гоночные машины и долго ездили по парку.

Погода на редкость сегодня хорошая и на душе хорошо и радостно

Я очень доволен этим днем.

Мне кажется, что навсегда останется у меня в памяти.

3 ноября. Нью-Йорк

На подоконнике в моей рабочей комнате 20-го этажа на фоне города. Нью-Йорк 3.11.37

Сегодня окончательно решен вопрос относительно моего от'езда в Калифорнию и на 5-е заказаны билеты.

В связи с необходимостью закончить одну работу, предлагалось задержаться до 8-го с обязательством отправки туда на самолете, но ввиду того, что тогда мне пришлось бы лететь одному, я отказался, т. к. такое далекое путешествие без знания языка не совсем приятно, сейчас же я еду с товарищем, неплохо знающим язык.

Уезжаю, очевидно, на довольно продолжительный срок, так что наше акционерное общество «Утюг» теперь распадается.

5 ноября. Прощай, Нью-Йорк

Ровно в 5.30 из Пенсильванского вокзала через тоннель под Гудзоном отошел наш экспресс Нью-Йорк — Чикаго.

Только что проехали один из пятерки самых крупных городов Америки — город Филадельфию.

Промахали 160 миль, а едем всего 2 часа. Таким образом, едем со скоростью 110—112 км/ч, но благодаря прекрасной амортизации подвижного состава создается впечатление, будто мы еле плетемся.

Едем в мягких вагонах, очень опрятных и удобных.

Только что плотно пообедали в вагоне-ресторане, обеды здесь так дорого — раза в 4 дороже того, что мы платим в городских столовых. Так что эта 4-х дневная путь-дороженька нам встанет как следует, да и вообще здесь проезд очень дорог. Мы за билеты заплатили по 130 долларов, что даже по твердому курсу нашего рубля получается в 2 раза дороже.

Обратило на себя внимание то обстоятельство, что весь младший обслуживающий персонал — это негры, метисы все как на подбор. Оказывается, что здесь считается хорошим тоном, когда любое заведение подбирает себе обычно в однотонном стиле персонал.

6 ноября — Чикаго

В 9 часов утра, когда в Комсомольске, окончив торжественное заседание, все с предпраздничным настроением, очевидно, уже расходились по домам (это было 12 ч. ночи), наш экспресс вошел в Чикаго.

3 часа я имел для того, чтобы осмотреть этот кое-чем знаменитый город, и надо сказать, многое успел за это короткое время увидеть, во всяком случае имею представление, что такое за город Чикаго. Ровно в 12—01 экспресс «Чиф» (примерно означает «деловой») взял курс на юг. Через 3 ½ дня он должен прибыть в Лос-Анжелос. Опять идем с сумасшедшей скоростью на заворотах. Очевидно, для того, чтобы поезд не вылетел с пути, рельсы имеют наклон в сторону заворота, и поэтому поезд в этих местах берет огромный крен.

До свиданья, Чикаго! Несколько минут назад экспресс «Чиф» оставил Чикаго, а сейчас с громадной скоростью (110 км/ч) мчится на юго-запад в Калифорнию, в Лос-Анжелос, в страну вечного лета. Там, где теряются убегающие назад рельсы, чуть видны очертания его строений! Впереди 6000 км! 6.11.1937

Написал и опустил в Канзас-сити Израилю[6] письмо со своей фотографией.

Перед вечером проехали Миссисипи, я заснял ее[7].

7 ноября экспресс «Чиф»

Проснувшись сегодня, и почувствовал, что в вагоне жарко. Открыл штору, посмотрел в окно — мы мчались по выжженной зноем пустыне. Яркое солнце, заглянув через окно, сразу обожгло своими лучами. Я потерял всякое представление о времени года.

Приближается штат Аризона. Заметно начинает теплеть. 7.11.1937

По температуре воздуха и по видам эти места далеки даже от теперешнего времени года в Нью-Йорке. Меня очень поразила эта внезапная перемена. Сегодня переезжали Кордильеры. Виды молниеносно меняются — то песчаная пустыня, то хвойные леса, то зеленые луга, равнины, горы и т. д. и т. п.

Здесь много живет индейцев, встречаются довольно бедные индейские деревушки. Сегодня много сделал снимков.

Завтра прибываем в Лос-Анжелос.

8 ноября. Экспресс «Чиф»

Яркое солнце сильно жжет несмотря на то, что довольно ранний утренний час. Спускаемся с последнего перевала и становится еще жарче.

Проходим пустыни с довольно жалкой растительностью, да и то выжженной солнцем, но вот она уже кончается, становится все больше и больше зелени, повеяло прохладой — близок Лос-Анжелос.

Появляется богатая южная растительность — кактусы, пальмы, апельсиновые деревья, целые огромные апельсиновые сады!

Вот и Лос-Анжелос! Много-много зелени, весь он утопает в зелени. Он вовсе не похож на Нью-Йорк, в нем мало небоскребов, он не многоэтажный, но это огромнейший, самый большой в мире по площади город (около 60 км в поперечнике).

Совсем лето. Потерял всякую ориентировку насчет времени года. Это — Лос-Анжелос. Снимок сделан недалеко от вокзала, через несколько часов моей поезд отходит в Сан-Диего, еще южнее. 8.11.1937

В Лос-Анжелосе мы пробыли 2 часа, пообедали там, и в 2 часа дня на дачном поезде двинулись в Сан-Диего. Здесь проезжали еще живописнее места. Половина пути лежит вдоль берега Тихого океана.

В 5 часов вечера, когда солнце спускалось за горизонт — под'ехали к Сан-Диего. Но увы! На вокзале никто нас не встретил. Взяв такси, поехали разыскивать сами нашу резиденцию… И еще раз увы! Домик, стоящий на берегу самого залива, оказался совершенно пуст. Гараж его был также пуст. Обратились к соседям, они сказали, что наши еще в субботу под праздник на машине уехали в Лос-Анжелос, и вот уж третий день не возвращаются.

Что делать, повернули обратно. Остановились в отеле в центре города — когда вернутся, свяжемся по телефону.

Вид на северную часть Сан-Диего из окна 14-го этажа гостиницы «Кортез». Здесь мы будем работать на авиазаводе «Консолидэйтед». 9.11.1937

10 ноября, Сан-Диего

«Нью-Йорк — это не Америка» — говорят американцы. Америка — это юго-западная часть северного материка, преимущественно Калифорния — это считают чистокровной Америкой (вернее, так нравится считать американцам).

Так или иначе, но Калифорния справедливо вызывает у американцев самозваный патриотизм, это жемчужина Америки. Речь конечно идет о побережье Тихого океана с богатейшей экзотической растительностью и прекрасным, круглый год теплым мягким климатом, сравнимым в некоторой части разве только с нашими наилучшими черноморскими курортами.

Тихоокеанская Калифорния — это не Нью-йоркская Америка в полуевропейском стиле, это американская Америка, огромная солнечная страна, покрытая богатейшей растительностью, изрезанная густой сетью хорошо устроенных широких асфальтовых автодорог с мчащимися по ним целыми вереницами прекрасных фордов, бьюиков и шевролетов, под звуки услаждающей слух мексиканской музыки собственного радио.

Калифорния — это страна высокой внешней культуры с примесью средневекового романтического дикарства.

В общем, что и говорить — Романтическая страна.

12 ноября, Сан-Диего

Эх, куда меня занесло!

Вот сейчас смотрел глобус и удивлялся — ведь ¾ земного шара проехал от одного берега Тихого океана и до другого берега. Вот я сижу в своей комнате, через стеклянную ее стенку, увитую виноградником и выходящую в палисадник — прекрасный вид на океан в лучах заходящего солнца.

Вот оно, красное, огромное, на западе, я им любуюсь, но это видят и комсомольчане. Но оно ласкает их утренними лучами с востока и не пойми — где же запад и где восток. Мы как-то не задумываемся над этим и привыкли считать, что азиатское побережье тихого океана — это конец востока, а американское — конец запада. А самый шов востока с западом где-то затерян в огромных просторах океана, и мы о нем не вспоминаем. На самом же деле он тянется через его середину от полюса и до полюса ломаной линией, стараясь не попасть на сушу, где есть человек, чтобы этим не создать смешных курьезов, когда на метр по одну сторону от этой линии — суббота, а по другую — воскресенье. На самом же деле теоретически это так и есть (ведь это линия смены дат). И когда пересекает эту линию пароход, идущий из Азии в Америку, то у него на носу суббота, а на корме воскресенье.

Устроился я хорошо, Сан-Диего это прекрасный город, огромный по территории но небольшой по количеству жителей (тыс. 200).

Весь он утопает в зелени и стоит на самом берегу залива, раскинувшись по обе его стороны. Дома в основном здесь небольшие, но выглядят, как игрушки, обязательно увитые виноградником. Зелень и зелень кругом и круглый год, причем все это и на улице, и у каждого дома подстрижено, подчищено, причесано, и так везде по всей огромной территории города. Здесь нет ни центра, ни окраин в смысле культуры, улицы даже наоборот в центре кажутся грязней.

В общем, этот город вряд ли можно сравнить с лучшим черноморским курортом, и я бы сказал, что это не город, а сплошной хорошо культивированный парк.

Наш дом стоит на самом берегу залива, а дверь моей комнаты выходит через палисадник прямо к берегу залива. И на ночь я ее не закрываю.

После копотного и шумного Нью-Йорка я чувствую себя, как в раю.

Вот где благодать! А погода! Стоят прекрасные солнечные теплые дни (градусов 18—20), и я окончательно сбился в представлении о времени года.

Нас 5 человек, имеем мы 2 легковые машины, на которых

ездим на работу и с работы, а также на прогулки.

Я уже начал осваивать здешние правила езды и думаю скоро получу «Лайснис» (права). В понедельник среду и пятницу по 1 ½ часа изучаю с преподавателем английский язык.

14 ноября. Сан-Диего

Вчера на машине ездил в Лос-Анжелос на собрание друзей Советского Союза, посвященное 20-летию октябрьской революции. Там делал доклад наш Сан-францисский консул, выступало после много профессоров, артистов, писателей. Их речи были в дружеских тонах.

В Лос-Анжелосе мы повстречались со многими съехавшимися туда нашими земляками. После всего прочего устроили маленький пикник, и по домам раз'ехались мал-мал навеселе. В общем, славно время провели.

Надпись на фотографии видна неполностью. Вот ее полный текст: У Советского вице-консульства в Лос-Анжелосе (вторая слева — Л. Е. Придворова, дочь Демьяна Бедного. 1937 г.

Снимок сделан у здания советского вице-консульства. Лос-Анжелос. 13.11.1937

Езда туда — это одно удовольствие: 210 км мы ехали всего 2ч 50мин, скорость колебалась меж 70—90 км, а иногда 100 км! Дорога — как зеркало, и хорошо там мчаться в удобной машине под звуки собственного радио. Летим с бешеной скоростью, но дорога настолько прекрасна, что скорость не чувствуем, а только — если приглушим радио — слышим свист воздуха!

27 ноября. Сан-Диего

Завтра какой-то американский праздник (кажется, «День благодарения» — в этот день американцы почему-то уделяют особое внимание индюку (!?) — везде, как у нас раньше на масленицу блины, в этот день едят индюшатину). Затем через день наши обычные 2 дня отдыха — суббота и воскресенье, пятницу за счет некоторой комбинации тоже превратили в праздник, таким образом имеем 4 свободных дня подряд. Это единственный случай, и мы решили это время использовать для путешествий. Избрали такой маршрут: Сан-Диего — Гранд-Каньон — Болдер-Дам — Долина смерти — Сан-Диего, протяжением 2809 км.

Это достопримечательнейшие места Америки, которые не преминет посетить каждый турист. По нашим расчетам получается, что мы должны вернуться с натяжкой вточь под понедельник, да и то посещение «Долины смерти» стоит под угрозой. Ну ничего, увидим!

Выехали на Форде, я получил назначение штурмана, двое — драйвера (шофера) и один «научный сотрудник», он же «фоторепортер», и он же «завхоз экспедиции».

Выехали в 6 часов 5 минут, на счетчике стояло — 19815 миль.

Как и предполагали — в 11 часов прибыли в Барстоу, прошли около 250 миль. Здесь остановились в гостинице на ночлег. Таким образом, наша средняя скорость выражалась в 50 миль (т.е. 80 км), это неплохо, но и неудивительно, принимая во внимание здешние прекрасные асфальтированные дороги.

25 ноября — «Гранд-каньон»

Выехали из Барстоу сегодня в 8 часов утра, решив сегодня же доехать до Гранд-Каньона (расстояние около 400 миль). Ехали не слишком торопясь — по дороге обследовали (около станции «Сибирь») один застывший вулкан.

Кратер застывшего вулкана около станции «Сибирь». Калифорния. 25.11.1937

Река Колорадо в месте пограничной дороги Аризоны и Калифорнии. Аризона. 25.11.1937

В 7 часов вечера мы прибыли на Гранд- каньон.

Сам городок Гранд-каньон и прилегающий к нему огромный «национальный парк» расположен на высоте 7000 футов, и здесь достаточно холодно, даже настолько холодно, что мы сдали свою машину в гараж, боясь, что замерзнет вода в радиаторе, между тем, как у нас в Калифорнии летняя погода. (Гранд-Каньон находится в штате Аризона, границу которого мы сегодня пересекли около полудня).

Здесь, между прочим, разграниченность штатов чувствуется хотя бы даже потому, что переезжая границу в машине, мы подвергались полицейскому осмотру. И вообще каждый штат существует несколько самостоятельно, даже имеет свои законы, как маленькое государство.

На границе Калифорнии и Америки при осмотре особое внимание уделяется наличию у вас оружия, которое категорически запрещается перевозить — калифорнийцы боятся завезения с ним заразы к себе, а аризонцы — к себе.

Остановились здесь в таверне. Нам отвели маленький 2-х комнатный домик, снаружи похожий на сколоченную «на живую нитку» индейскую хижину, а внутри прекрасно оборудованный ваннами, центральным отоплением, электричеством и прочее. Гостиницы здесь вообще нет — а всё такие домики. Американцы любят эту бутафорию. Завтра с утра начнем осмотр Гранд-

Каньона.

Таверна на Гранд-Каньоне, где мы останавливались на ночлег и питание. Здесь высота над уровнем моря 6700 футов. 26.11.1937

26 — ноября — Гранд-Каньон

Позавтракав с 9 часов, начали осмотр. Гранд-Каньон — это интереснейшее явление природы в единственном экземпляре на всем земном шаре.

Огромных размеров плоскогорье высотой от 7000 до 8000 футов разрезано на 2 части глубочайшим ущельем (глубина до 6000 футов), по дну которого протекает река «Колорадо».

В ущелье образовались самых причудливых форм, оттенков и окрасок громаднейшие скалы, сверху ущелья кажущиеся крошечными.

А в общем — это величественная картина! Сделал очень много снимков отдельных видов.

«Гранд-Каньон» — что означает «Большое ущелье». В глубине этого ущелья видна протечающая через него река Колорадо. Это ущелье — интереснейшее явление природы, оно образовалось в плоскогорье, высота которого около 8000 футов. Глубина ущелья достигает 6000 футов.

Башня на самой высокой точке плоскогорья Гранд-Каньона, отсюда самый прекрасный вид на Гранд-Каньон. Высота здесь 8000 футов.

С юго-восточной стороны — прекрасный, величественный вид открывается на Гранд-Каньон. Как будто кистью талантливого художника раскрашены во всевозможные цвета его скалы! Самые причудливые формы! Самые причудливые цвета!.

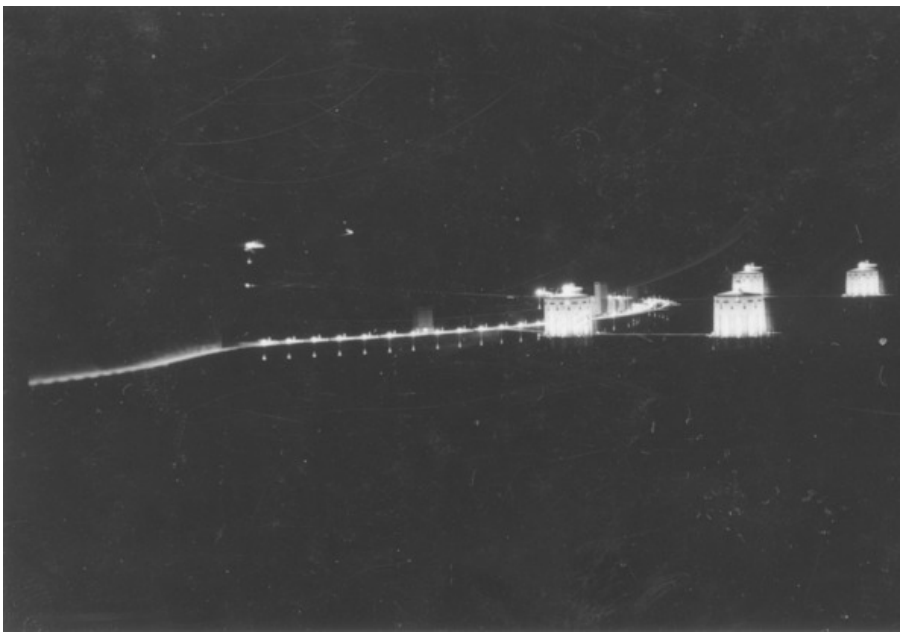
Мы об’ехали только часть юго-восточной стороны ущелья, где расположен огромнейший так называемый «Национальный парк», изрезанный целой сетью прекрасных асфальтовых автодорог.

Гранд-Каньон. Фотографии сделаны 26 ноября 1937 года. Пленочная бокс-камера Кодак.

26 ноября Лас-Вегас

Закончив осмотр Гранд-Каньона в 3 часа дня, выехали по направлению к Болдер-Даму. Предполагали остановиться в Болдер-Сити на ночлег, а с утра начать детальный осмотр Болдер-Дама.

В семь вечера засверкали огни Болдер-Дама (путь лежал в Болдер-Сити через него).



По пути в Болдер-Сити. 26.11.1937 г.

Когда мы уже спускались по извилистой горной дороге к самому Болдер-Даму, перед нами раскрылась величественная картина освещенной плотины и водоприемных башен с огненными шапками. Сойдя с машины, я запечатлел на пленку эту ночную панораму.

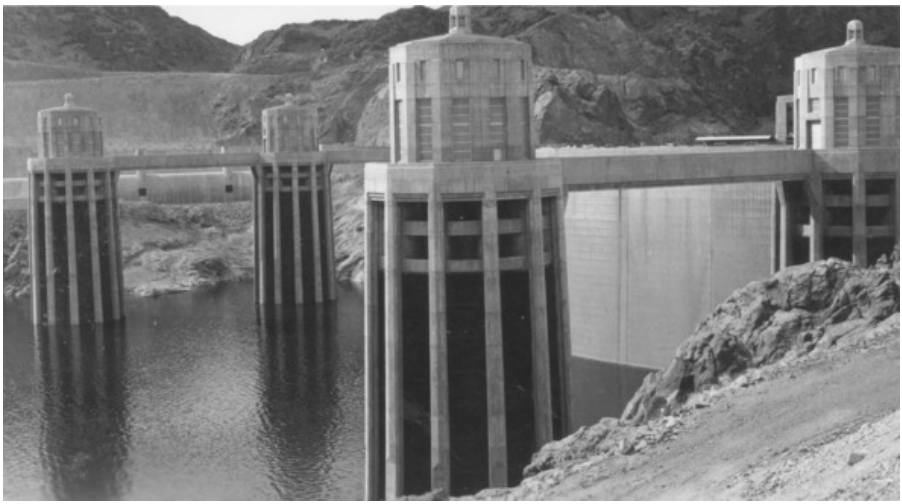
Это плотина Болдер-Дам. Высоту она имеет 230 метров.

Внизу машинные залы. Снимал вечером своим аппаратом. 26.11.1937

В Болдер-Сити гостиницы оказались переполнены туристами — пришлось ехать за 25 миль ночевать в Лас-Вегасе, где мы и пришвартовались.

27 ноября — Болдер-Дам

В 8 часов утра мы уже были в Болдер-Даме и позавтракав, начали осмотр.



Болдер-Дам. Водоприемные башни. 27.11.1937

Болдер-Дам — это громаднейшая гидроэлектростанция (самая большая в мире — вернее, самая мощная) мощностью в 1900000 kv на реке Колорадо. Это совершенство строительной техники. По внешним размерам, да может, и по об'ему строительных работ она не больше нашего Днепрогэса. Но она поражает своей компактностью, смелостью технического замысла и отдельными интересными конструктивными элементами.

Ее плотина, преградившая громадное ущелье, в которое теперь повернули русло Колорадо, имеет высоту более 200 метров. Она подняла уровень воды в Колорадо, отчего перед ней образовалось колоссальное водохранилище — озеро длиной в 100 миль. Это озеро залило целые горы, и по нему сейчас совершаются регулярные пассажирские рейсы, оно нанесено на карту.

В машинных залах установлено 18 турбин по 100000 kv каждая, вода к ним подается в трубах диаметром в 12 метров, сделанных из трехдюймого листового железа.

Имеются 2 машинных зала (они расположены в глубине ущелья в верховьях реки), один обслуживает штат Невада, другой — Аризону, а на середине плотины имеется пограничный знак этих штатов (ведь река Колорадо является границей Аризоны и Невады).

Эта станция выстроена сравнительно недавно (в 1933 или 1934 году), строил ее главный консультант «Днепростроя».

До нее здесь было необитаемое дикое место, т.к. здесь только скалы и никакой растительности. Сверху с юго-восточной скалы прекрасный вид на нее — картина, полная контрастов высокой техники и дикой стихии, покоренной техникой.

Эта картина достойна восхищения. Мы привыкли восхищаться красотами природы, я видал такие красоты, как Гранд-каньон, Долина смерти, это красиво! Но это относительное определение, созданное нашим воображением, и только. Оно выработалось в нас из поколения в поколение, мы привыкли считать, что это красиво, а почему — и сами не знаем. Вот поэтому я предпочитаю во сто крат больше восхищаться творением рук человека, ибо это, чорт возьми, искусство! Заслуженная красота!

Сан-Диего — 5 декабря

Сегодня наша страна празднует годовщину самой демократической конституции в мире.

Сегодня, когда у нас стоят самые лютые морозы, здесь стоит жара, и я даже чуть было не выкупался в океане, да помешал отлив. А настроение было, хотя и не купальный сезон — так, «из любви к искусству».

Давно не писал, но всё без перемен, жизнь нашей колонии течет ровно и спокойно. Чертовски соскучился за домом, за заводом!

Так хочется хотя бы на минутку очутиться в старой обстановке!

20 декабря, Сан-Диего

Все по-старому…

У нашего дома. Сан-Диего, декабрь 1937

Сегодня с утра какое-то предчувствие — ночью что-то снилось, что, не помню, но чувствуется почему-то, хотя я в это не верю, что я должен получить письмо (кстати, из Союза еще ни одного не имею).

21 декабря Сан-Диего

Удивительно дело! А ведь предчувствие оправдалось! Хоть я в предчувствия всякие и тому подобные предрассудки не верю, но как-то странно получается — сегодня домой на обед я ехал с полной уверенностью получить письмо. И поэтому, когда под'ехали к дому, я, как обалделый, выскочил из машины и побежал к почтовому ящику. Но увы! — приехавший на первой машине раньше Берлин уже успел его опустошить. Однако уверенность ничуть не поколебалась (прямо понять не могу), вхожу в гостиную торопливо, как будто мне кто-то сказал, что меня там уже ждет письмо, и… так и есть — перед моим носом трясут двумя письмами, требуя сплясать. Я, конечно, лихо исполнил лезгинку, причем с таким увлечением еще ни разу не танцевал. Одно письмо было от Любы, другое из Нью-Йорка от ребят.

25 декабря — Лос-Анжелос

Сегодня американцы празднуют рождество, и воспользовавшись этим, я приехал в Лос-Анжелос погостить и посмотреть город, а главное — Голливуд. Остановился в отеле «Нормандия», рассчитывая на это дело угробить пару дней, но кажется дело швах — идет дождь, это пожалуй, испортит мои намерения.

Здесь мне рассказали смехотворную историю, случившуюся с дугласовцами. Они вчера были у нас в гостях, и домой возвращались поздно вечером, у них погас свет в машине. Так как без света невозможно было ехать дальше, они свернули с дороги, решив вздремнуть и подождать рассвета. Через некоторое время их разбудил полисмен, спросив в чем дело и нет ли у них «трабола» (повреждений от физического столкновения). Они ему об'яснили о причинах остановки, заявив, что трабола пока нет. Полисмен радировал техпомощи (полицейские мотоциклы снабжены миниатюрными рациями) и умчался. Ребята опять уснули…

Неизвестно, сколько они проспали, но вдруг сильный толчок, сопровождаемый лязгом, вывел их из состояния мертвецкого сна и сразу оглушил. Они, как обалделые, повыскакивали из машины с криками: «Нас убивают», «где полиция», «где государство».

Причем один из них рассказывает, что так и остался в машине недвижимым, соображая жив ли он или мертв, и боясь убедиться в последнем. Не приходя в себя, но немного осмотревшись, они заметили в темноте стоявшую машину, к ним подошел человек, спросил: — Окей? (здесь закон обязывает при малейшем траболе участникам остановиться, справившись друг у друга «о состоянии здоровья», записать друг друга номера и т.д., а после уж о виновности и о возмещении материальных убытков. Если дело неясное, разбираться в суде. Но ребята, оторопев с испугу, потеряли дар речи, забыв все американские слова, это же слово, но в утвердительной форме, повторили громогласным хором — ОКЕЙ!

Человек, очевидно, обрадовавшись такому ответу, сел в машину и стремглав умчался.

Когда же ребятки совсем очухались, с ужасом заметили, что в ихней машине весь бок измят. Опять под'ехал тот же полисмен, сообщив, что очевидно, монтер скоро прибудет и исправит им свет. Но увидев, что трабол теперь есть, срочно радировал на периферию о задержании беглеца, который стал преступником (бегство строго карается американским законом), будучи, может,

честным человеком, из-за наших простофиль.

Но так или иначе, а впечатление у них от этого «Аксидента» осталось сильное, и Могилевский говорит, что он до сих пор не может придти в себя.

В Голливуде (в гостях у Чарли Чаплина)

28 декабря — Сан-Диего

Сегодня получил второе письмо от Любы, да теперь, пожалуй, регулярно пойдет — задел обеспечен.

31 декабря 1937 г — Сан-Диего

Сегодня, в последний день 1937 года, я получил американский «лайснис» (права) на управление машиной сроком на 4 года, сдав экзамен в городской инспекции.

За рулем «Бьюика» я исколесил десятки тысяч километров по США.

15 января 1938 г — Сан-Диего

Сегодня впервые видел в этом году снег. У нас выходной, и мы с утра отправились на прогулку за город. Незаметно по прекрасной дороге пролетели 100 км и очутились в горах (к востоку от Сан-Диего). Идущие нам навстречу машины были облеплены снегом, и их колеса были обмотаны цепями — признак трудной снежной горной дороги.

Мы решили махнуть туда — и чем дальше мы ехали, тем дорога становилась все уже и уже. Вскоре она стала настолько узка, что еле-еле можно было раз'ехаться со встречными машинами.

Дорога извивалась между гор над оврагами и ущельями, шла вверх, мы шли со скоростью не больше 15—20 миль, быстрее было ехать опасно, так как много было крутых заворотов, и свободно можно было вылететь с машиной в ущелье. Часто дорога шла чуть ли не по отвесным стенам скал, в таких случаях не рекомендовалось смотреть вниз — особенно драйверу — во избежание головокружения (туда машину вел я, оттуда Иванцов).

Заметно чувствовалась высота — сильно понизилась температура и чувствовался разреженный воздух.

Вдруг, удивительное дело! — в то время, как 20 миль назад стояла теплынь 15°, здесь за поворотом перед нами сразу развернулась белая пелена снега, и полное впечатление зимы.

Проехав немного, мы припарковались и начали играть в снежки Но вскоре на это место с'ехалось столько машин, что снега не было видно, и можно было не сомневаться, что к вечеру от него ничего не останется, ибо каждый американец, уезжая отсюда, обязательно увозил с собой уйму снега, облепляя им машину. В общем прошло всякое впечатление от зимы, поэтому мы, захватив полагающуюся нам порцию снега, чтобы потом за ним не стоять в очереди, поспешно эвакуировались домой.

Но все же славно провели этот денек.

30 января — Сан-Диего

Сегодня (выходной) как и всегда с утра, уехали на прогулку за город захватив с собой «скракли», рассчитывая где-нибудь в укромном месте поиграть.

Устраивая каждый выходной такие прогулки, избирая для этого все новые и новые маршруты, я прекрасно освоился с окрестностями, вернее, с Калифорнией, так как наши прогулки измерялись сотнями километров. И потому я теперь Калифорнию знаю, пожалуй, больше, чем свой край, в котором живу не один год.

Обычно мы заранее маршрут не намечали, он вырабатывался сам собой на ходу.

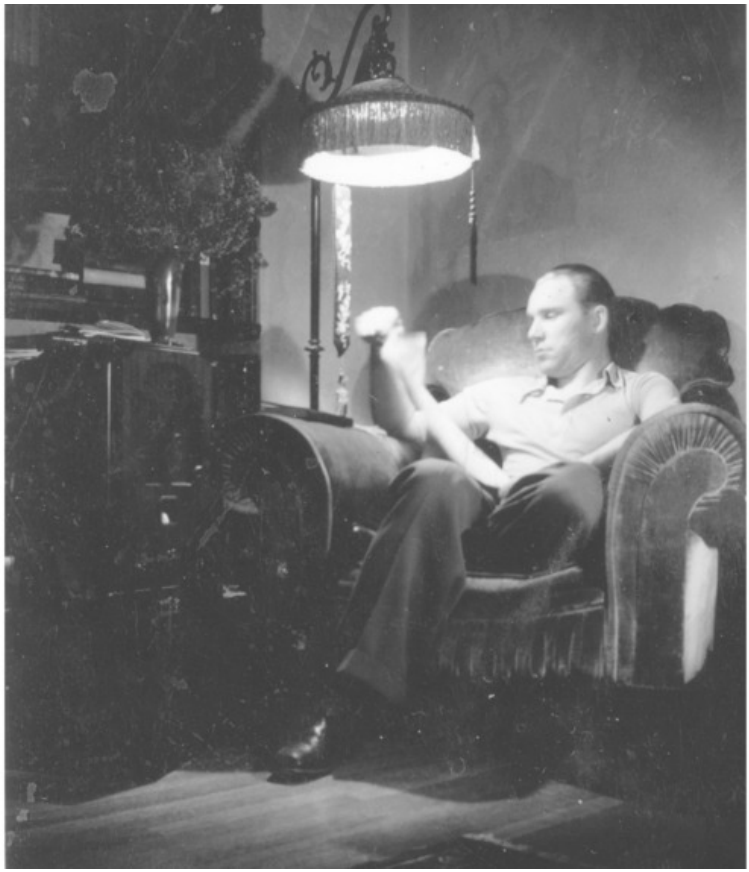
И вот сегодня мы потихоньку, со скоростью 70—80 км в час, катались по 101[й] дороге и вдруг надпись «End вэй» (конец дороги) — застава и огромная очередь машин. Остановившись, мы выяснили, что это граница Мексики. Оказывается, туда и обратно для американцев в'езд свободен, но проверка подданства производится только по возвращении из Мексики.

И вот был бы сюрприз — мы в'ехали бы в Мексику, а оттуда нас как иностранцев через границу могли бы не пустить. Однако, когда мы развернулись и хотели улепетывать от недоразумений, нас у первого стопа задержали, поинтересовались, не везем ли мы контрабанды. В поте лица, призвав на помощь весь запас английских слов, неоднократно повторяя «ай эм сори» (я вам обязан), мы объяснили, что за границей не были, однако полисмен, вежливо заглянув в наш ящик, спросил что там за сверток, но увидев несколько бутылок с пивом и наклейкой «Сан-Диего» улыбнулся и сказал «Окей».

12 февраля — Сан-Диего

Сегодня получил сообщение, что командировка мне продлена всего на один месяц до 1го апреля, это вопреки моим ожиданиям, я ожидал худшего.

Итак если еще не продлят, то через полтора месяца отчалю на родину. Хотя бы скорее!



Час досуга. Экспозиция фотоаппарата 30 минут. Сан-Диего. 1938 г.

18 февраля — Сан-Диего

Завтра в шесть часов утра уезжаю в Сан-Франциско, едем мы на нашем Фордике «благородного мышиного цвета». На это путешествие нам потребуется 4 дня. До Сан-Франциско около 1000 км, но мы думаем быть там завтра же вечером. Вести машину будем посменно с Иванцовым, что даст возможность шпарить безостановочно и прибыть туда к назначенному сроку. Конечно, если все будет «Окей» и дороги будут в порядке. Но есть опасения, что все будет далеко не «Окей», так как газеты и радио сообщают, что в северной части Калифорнии и в районе Сан-Франциско последние дни прошли ураганы и несколько дней идут проливные дожди, это дает основания полагать, что главная магистраль (101я дорога), идущая по берегу океана, размыта. Как бы не пришлось блуждать, это послужило причиной того, что один из пассажиров — переводчик — сдрейфил и отказался ехать. Но мы решили не отступать от намеченного плана и ехать без переводчика.

А что будет — увидим.

19 февраля Лос-Анжелос

Сегодня, как условились, выехали ровно в 6 часов. До Лос-Анжелоса 135 миль (220 км), обычная езда туда занимает 3—3,5 часа (около 45 минут отнимает езда в городской черте Лос-Анжелоса., где средняя скорость около 20 миль в час).

Мы поставили себе целью доехать до Лос-Анжелоса за 2,5 часа. Нам необходимо было заехать в Санта-Монику (через Лос-Анжелос.), в одну из наших комиссий, завезти туда кое-какой материал. Мы рассчитали таким образом застать наших земляков дома до ухода их на работу.

Из Сан-Диего машину повел Иванцов. Моя смена — на полпути к Лагуне. Шли со скоростью 60—65 миль, таким образом, первый драйвер точно уложился в срок, придя в Лагуну ровно за 1 ч 15 м.

После принятия мной драйверства мы шли не менее интенсивно, и даже больше того. Будучи в хорошем настроении, я порой доводил скорость до 75—80 миль в час, от чего наш Фордик «благородного мышиного цвета» трясло, как в лихорадке.

Благополучно проследовали нефтяные промыслы с лесом вышек.

Здесь дорога была исключительно гладка, как зеркало, и мы шли со скоростью 75 миль. Ветер хлестал в окна нашего автомобиля, переходя в вой. Вой всё нарастал и нарастал, я насторожился и вдруг… увы! — в этом адском шуме отчетливо разобрал свист полицейской сирены. Да, не было сомнений, это касалось нас. Внезапно я свернул вправо и затормозил машину.

Полицейская машина, с визгом сделав крутой заворот, загородила нам путь. Только теперь мы сообразили, что

полисмен, очевидно, за нами гнался довольно долго, и это может кончиться неприятностью. К нам подошел здоровенный полисмен. Извинившись перед ним за плохое знание языка, я подал ему «лайснис». Молча, не говоря ни слова, он, списывая данные с лайсниса, угрюмо писал «тикет». Мы, надо сказать, изрядно сдрейфили, не столько боясь штрафа за скорость, сколько за последствия длительного нереагирования на полицейский сигнал, и молча переглядывались, даже не сообразив сказать, кто мы, что нам, пожалуй бы, помогло.

Окончив писать тикет и увидев наши немало растерянные лица, расхохотался долгим добродушным смехом. Он смеялся долго и с увлечением, как ребенок, и настолько заразительно, что мы, глядя на него, тоже начали смеяться. Но вдруг его лицо стало серьезным, он ткнул мне тикет, сказав, что 25-го февраля мне надо будет явиться на суд в нефтепромысловый городок. В тикете я прочел на вопрос — «подданство» было написано «американец»; только теперь я сообразил, что совершил глупость, не сказав, кто мы. Но было поздно, он быстро сел в машину и с визгом сирены умчался…

Мы молча переглянулись и тихонько, не превышая спид-лимита (45 миль), поплелись дальше.

Настроение было испорчено, и весь скоростной пыл пропал.

В Лос-Анжелос прибыли в 9—20, останавливаясь на всех перекрестках, и с небывалой точностью соблюдая все правила драйверства.

Типичная улица Лос-Анжелоса

Перекусив в Лос-Анжелосе и справившись по своим делам, в 10—20 мы тронулись на Сан-Франциско.

19 февраля Сан-Франциско

Несмотря на исключительную осторожность и двухчасовые остановки для заправки себя и машины, как было намечено — ровно в 10 часов вечера мы в'ехали в Сан-Франциско.

Не заглядывая даже в карту мы, влившись в конвейер автомобилей, наобум поехали по ярко освещенным улицам Сан-Франциско, рассчитывая где-нибудь в центре города припарковаться на ночлег.

В этот момент машину пришлось вести мне. После монотонной и быстрой езды по темным дорогам здесь, где был огромный трафик, незнакомый для нас, и свет слепил глаза, вести машину осторожно с черепашьей скоростью было довольно трудно.

Может быть, из-за усталости, но город произвел на нас сразу довольно нехорошее впечатление.

Он казался неуютным и неприветливым. Было шумно и душно — звенело в ушах, и мы с сожалением подумали, что не остановились на ночлег перед городом где-нибудь в тихих и уютных кэмпах.

Наконец после получасового блуждания мы попали, по-видимому, на одну из главных улиц. Это мы предположили потому, что на ней было сразу подряд штук 20 кинотеатров — и маленьких грязных 10-ти центовых, и колоссальных, блещущих причудливейшими и грандиознейшими огненными рекламами. Несмотря на то, что это была, по-видимому, одна из великосветских улиц (судя по гуляющей публике), по ней наряду с шикарными домами, блещущими своими элегантными под'ездами с целой свитой швейцаров в канареечных костюмах с душераздирающим визгом проносились старые растрепанные трамваи.

Мы решили припарковаться где-нибудь здесь.

Но это была самая трудная задача. Идя в потоке автомобилей по главной улице, мы то и дело сворачивали в боковые улицы и улочки, пронюхивая, где бы можно было приткнуть нашего пегаша, но старания были тщетны — везде у тротуаров стояли машины, как будто расставленные заботливой рукой, бесконечной шеренгой, плотно прижавшись друг к другу по обеим сторонам улиц.

Наконец после долгих стараний у одной из стоящих машин мы заметили вспышку фар, известивших нас о том, что она собирается покинуть свое место. Я, круто повернув машину, чуть ли не прижав ее буфером, стал ожидать освобождения места.

Но не тут-то было — очевидно, таких, как мы, стрелков было много, поэтому к этому месту, как к освобождающемуся месту в московском трамвае, налетело много охотников. Была слышна перебранка между драйверами, но к сожалению, мы не могли в ней принять участие по причине своей плохой осведомленности в методике изысканных ругательств на английском языке. Но это, пожалуй, пошло нам на пользу, так как пока остальные мешкали, мы успели юркнуть на освободившееся место.

Наконец, с облегчением вздохнув, мы заперли свой кар и пошли искать себе ночлег.

У интригующей вывески «Комнаты от 50 центов и до 1 доллара» мы остановились. С виду так называемый «Отель» не внушал ничего предосудительного — решили проверить.

Когда мы вошли в офис, в нос ударил сильный плесневелый запах. От подошедшего к нам брюзжащего что-то старика-клерка не меньше несло плесенью. Мы попросили показать нам его комнаты, хотя про себя уже решили ни в коем случае не оставаться здесь. Старик повел нас по темным коридорам, и распахнув дверь одного, мягко выражаясь, номера, впустил нас туда. Признаюсь, страшно было входить в эту темную, пахнущую мышиным пометом дыру. Когда вспыхнула тусклая лампочка, перед нами предстала жалкая обстановка номера. Короче говоря, все окружающее свидетельствовало о том, что это есть номер не для ночлега на ночь, а на один час, вернее притон в розницу.

Нас тошнило, и мы, робко заявив брюзжащему и что-то непрестанно жующему старику, что нам бы номер доллара за два, поспешили поскорей отсюда выйти на свежий воздух.

Когда мы без оглядки спускались крупным маршем вниз, старик все еще преследовал нас, что-то крякая и брюзжа, очевидно отборнейшие ругательства, благо, что они до нас не доходили.

Мы заходили в несколько гостиниц, но везде было либо слишком дешево и плохо, либо, наоборот слишком дорого и излишне роскошно. Наконец мы пришвартовались в одной из гостиниц, которая внешне показалась неплохой и цена терпимая — $2.50. (хотя это очень хорошая цена для среднего номера). Но теперь, когда я вошел внутрь и обследовал свой номер, я убедился, что для этой цели этот номер довольно — таки паршивый. Ну да не беда, чертовски здорово хочется спать и думаю, что буду спать, как убитый и без особых удобств.

Все мы устали изрядно. Ведь довольно нелегко 16 часов подряд протрястись в машине. Однако, следя все время по карте, мы все же доехали исключительно благополучно и почти не блуждали, за исключением одного случая, когда нам пришлось

сделать крюк в 30 миль и потерять один час в поисках моста через одну из рек, так как главный мост был разрушен недавно проходившим здесь сильным бураном.

А дело было так. Уже вечерело, когда мы под'ехали к небольшому городку, решив здесь заправить машину и основательно пообедать.

Мы все время следовали по 101-й магистрали. У самого в'езда в город магистраль пересекала другая дорога. На перекрестке мы заметили, что какие-то двое мужчин останавливают все идущие машины и что-то им говорят. Мы также замедлили ход, они нам что-то также об'ясняли. Ничего не поняв и как всегда в таких случаях сказав «Окей», поехали прямо. Они посмотрели на нас с каким-то недоумением.

Пообедав в городском ресторанчике, мы по этой же дороге двинулись дальше. А уже темнело. Через 20 миль мы, беспомощно опустив руки, предстали перед разрушенным мостом через ревущую реку. Было темно и вокруг ни души. Поехали назад наобум, придерживаясь правой стороны, стараясь заворачивать вправо по всякой встречающейся дороге. Мы долго блуждали по пустым заброшенным дорогам, почти не встречая машин. Мы уже решили, что в Сан-Франциско сегодня безусловно не попадем, да еще и в довершение ко всему будем ночевать в степи, рискуя остаться без газолина.

Но через час скитаний мы неожиданно выехали к реке, и следуя по берегу, скоро увидели мост. Мы обрадовались, и переехав, очутились на 101-й магистрали. Ободренные таким хорошим исходом дела, мы лихо покатили дальше. «Гуд Бай».

20 февраля. Сан-Франциско

Сегодня с утра, позавтракав и разобравшись основательно в карте города, определив координаты нашего местоположения и начертав себе план для обозрений, мы сначала поехали осмотреть один из мостов, колоссальностью которых славится Сан-Франциско.

Один из мостов Сан-Франциско. Февраль 1938 г.

Осмотрев мост, мы поехали представиться нашему консулу. В консульстве были очень радушно приняты. После 2-х часовой беседы мы, подкорректировав наш план обозрений города, в сопровождении 16-летнего сына консула, любителя и постоянного гида для всех приезжающих советских граждан в Сан-Франциско, отправились осуществлять наш план.

Наш гид прекрасно владел английским языком и не менее прекрасно ориентировался в городе. Поэтому, сидя за рулем, я, даже под'езжая к очередному перекрестку, не задумывался, куда мне поворачивать, а механически, даже импульсивно, выполнял указания гида, таким образом всецело поглотив себя внимательным обозрением окружающего.

Не стану описывать всего виденного, ибо для этого надо много времени и чернил. Вообще скажу, что Сан-Франциско произвел на меня неплохое впечатление. Он не похож на обычные американские города, это, как здесь говорят, чистейший европейский город. Он очень похож на Москву, население имеет

около 1.000.000.

Город прекрасно скомпонован и как бы сжат на полуострове, глубоко врезавшемся в океан.

Мы побывали в великосветском районе, находящемся на горе. Отсюда прекрасный вид на город.

У ног моих Сан-Франциско. Февраль 1938

Я сделал оттуда несколько фотоснимков. Вообще я снимал очень много — извел несколько пленок. Здесь, кстати сказать, существует на этот счет некоторая расхлябанность— снимать нигде не воспрещается, даже на территориях военных и важных стратегических пунктов[8].

С горы город казался, как хорошо выполненная, в красках, карта. Желто-серая масса зданий с зеленоватым оттенком — обводами (деревьями) вдоль и поперёк была прорезана длинными, ровными, как стрелы, авеню и стритами. Они довольно отчётливо черными лентами выделялись на фоне этой картины. Движущиеся по ним целыми тучами автомобили казались мурашками.

И вокруг, куда ни глянешь — море, только узким перешейком полуостров соединен с материком. Там вдали, на северо-западе, переброшенный с полуострова на материк, ясно виден величайший в мире висячий мост. Он имеет длину около 7 км. Но в силу своей особой конструктивности, отсюда он кажется изумительной легкости бутафорской фермочкой, и даже не верится в его колоссальность. Его мы думаем осмотреть завтра по пути, так как нам обратно придётся следовать через него, рассчитывая, что мы поедем по 96 магистрали.

Немного поближе посреди залива на небольшом скалистом островке видна испещренная чёрными зияющими дырами-окнами знаменитая тюрьма Алькатрас, собственно, занимающая весь остров. Эта тюрьма считается самым страшным местом для американских преступников, из которой невозможно сбежать. Однако я читал в газетах не так давно, бежали из неё два известных и даже популярных в Америке преступника.

В 4 часа мы снова были в консульстве. Передохнув немного, мы снова в сопровождении консула со всей его семьей выехали досматривать недосмотренное.

Консул ехал на своей машине впереди. Он хотел нам показать Сан-францисский парк. Мы следовали за ним.

Парк мы осматривали, заезжая во все закоулки, в течение 2-х часов. Это огромный и вообще замечательный парк с озерами, прудами, огромными птичниками, аквариумами; кстати, такого замечательного большого, с богатейшими и разнообразнейшими экспонатами аквариума я никогда нигде не видел. Везде на озерах и прудах — масса всевозможных разных пород и окрасок птиц, многих из которых я видел впервые.

Причем, удивительное дело! — они были совершенно свободны, их даже никто не охранял, они были ручные и даже не обращали внимания на прохожих и на проносившиеся мимо машины. Такие же явления я заметил и в городе — прямо на площади в сквере разгуливали целые стада голубей и чаек рядом с проходящими с грохотом трамваями.

Долго мы любовались, мчась на машине по гладкому асфальту, красотами этого замечательного парка. Но больше всего мы были поражены, когда нам сказали, что этот парк искусственный. Оказывается, он с колоссальными вложениями труда и средств выстроен на песке, так же, как и весь город.

Глядя на эти вековые огромные деревья, красивые пруды и озера, на огромные скалы и овраги, трудно себе представить, что все эти естественные красоты созданы руками человека.

Все это выглядит естественно и вместе с тем изумительно красиво, чего недостает во многих парках, давящих своей строгой бутафорской системой.

В 6 вечера мы снова были в консульстве.

Целый час обсуждали план нашего дальнейшего путешествия, обложившись целой кучей карт. Наконец выработали план, предусматривающий выезд из Сан-Франциско завтра в 7 часов утра, по 96-й магистрали с расчетом, чтобы свернуть с нее в сторону на 60 миль, заехать в национальный парк «Юсемит» и оттуда, опять выехав на 96-ю магистраль, ехать домой.

Затем нас пригласили к столу, и в уютной обстановке

в семейном кругу мы изрядно пообедали. Консул, консульша и вся их семья были с нами очень приветливы и гостеприимны.

Вообще было видно, что они очень рады своим землякам, которые являются довольно редкими гостями Сан-Франциско.

Консул очень был удивлен, когда я сказал ему, что я из Комсомольска. Он очень долго расспрашивал меня о Комсомольске. Сообщил, что на днях он присутствовал на какой-то лекции, на которой делал доклад недавно посетивший Комсомольск ответственный секретарь Тихоокеанского института. Не говоря уж об аудитории, он говорит, что он сам был поражен теми колоссальными достижениями в строительстве нового индустриального центра, о которых доложил профессор.

20 февраля. В Китайском городке

В 9 часов вечера мы выехали снова в город чтобы осмотреть последнюю достопримечательность — китайский городок и купить сувениры.

Проехав с полсотни кварталов, мы наконец в'ехали в китайский городок. Сначала мы проехали по нескольким улицам, городок был довольно велик и, надо сказать, опрятен — он ничем не отличался от остальной части города.

Везде на магазинах с разукрашенными витринами висели вывески в большинстве на китайском языке.

На тротуарах разгуливали целые толпы китайцев, в общем все вокруг было китайское, и у нас было полное впечатление, что мы находимся чуть ли не в самом Шанхае.

Мы припарковались и пошли бродить по магазинам. Магазины были набиты шелками, причудливых покроев японскими халатами и пижамами, снадобьями, пряностями, безделушками и всякой рухлядью. За прилавками стояли везде красивые китаянки.

Здесь было также много и японских магазинов, а рядом с ними висели плакаты, призывающие к бойкоту японских товаров. На улицах мы видели несколько маленьких митингов, на которых ораторы рассказывали об ужасах войны в Китае, иллюстрируя это фотографиями и призывали к бойкоту японских товаров. Кстати, это заметно чувствительный фактор в японской торговле — мы сравнивали цены одних и тех же товаров, но сделанных одни в Китае, другие — в Японии, и цены на японские товары были почти вдвое меньше.

Лавочники, дабы парализовать бойкот, резко снизили цены на японские товары, но, несмотря на это, в японских магазинах было почти пусто. Лавочники идут даже на обман — зайдя в один из магазинов, мы попросили дать нам китайские шелковые халаты, отобрав понравившиеся нам и намереваясь их купить, мы спросили еще раз, где изготовлены эти халаты. Продавщица неуверенно ответила нам, что в Китае, но внимательно осмотрев снова халаты, мы нашли клеймо «made in Japan». Мы немедленно отказались от халатов, но это нисколько не смутило продавца, ибо это было обычное явление.

Сегодня ночуем мы в новой гостинице, она значительно лучше вчерашней и за ту же цену. Ведя машину целый день, я очень устал, т.к. здесь жуткий трафик.

Итак, план нашего путешествия выполнен. Теперь мы следуем домой, остановившись здесь переночевать в кемпе.

21 февраля. Юсемитский национальный парк

Ровно в семь утра мы выехали из Сан-Франциско. Через 15 минут мы в'ехали на колоссальный мост, но, по ошибке заехав не с того под'езда, мы попали на первый его этаж. Отсюда обозреваемость была хуже, но все же мы его хорошо осмотрели. Кстати, надо заметить, что канаты, на которых висит мост, имеют толщину около метра. Когда в'ехали на мост, мы заметили километраж на счетчике и убедились, что длина моста таки 7 километров.

До Юсемита 220 миль, мы под'ехали к нему в час дня. Ехали довольно долго от главной магистрали, так как дороги здесь были весьма скверны, размыты. Машину до Юсемита все время вел Иванцов, а я, растянувшись, насколько позволяло заднее сиденье, вовсю задавал храпака, досыпая недоспанное за прошлую ночь.

Дальше машину повел я. Все время шли на под'ем — заметно похолодало. Тропические растения сменялись хвойными, и наконец показался снег. Чем понимались выше, тем снегу становилось больше и больше. Под'ехав к сторожевой будке и уплатив 2 доллара, мы в'ехали в сам национальный парк. Дорога была расчищена, но снега по бокам было так много, что машина в этой канаве вся скрывалась.

Дорога в Секвойя-парк

Мы держали путь к знаменитым, самым большим в мире

деревьям, одно из которых в 5000 лет от роду имеет в диаметре 8 метров, и через образовавшееся в нем дупло свободно проходит любая легковая машина.

Наконец под'ехали к тупику, — дальше дорога не была расчищена, ибо здесь надо было приложить колоссальные усилия, чтобы расчистить ее, причем, может быть, напрасно.

Невдалеке мы увидели те самые деревья, которые были нашей целью поездки сюда. Захотелось это запечатлеть на пленку, и, оставив машину мы, вскарабкавшись на снег из нашей канавы, осторожно пошли к деревьям.

Калифорнийский национальный парк. На переднем плане секвойя высотой около 100 метров. Ей более 1000 лет.

Путь был нелегкий — снег был очень рыхлый, ноги проваливались, и то и дело можно было провалиться с головой. Мы пожалели, что не взяли в сторожевой будке лыж.

Наконец случилось то, чего опасались — я одним махом влетел сразу в снег по уши. Пришлось вернуться, так и не достигнувши цели.

Мы повернули обратно и поехали по узкой извилистой дороге. Она шла по самому краю глубочайшего ущелья — это была высота 7000 футов.

Здесь дорога местами была завалена снегом, но мы ехали без цепей, которые все же предусмотрительно захватили с собой.

Машину заносило, особенно на крутых поворотах. Два раза занесло настолько, что мы встали поперек дороги у самого обрыва. Прикладывали колоссальные усилия, чтобы сдерживать

машину — руль в руках вертелся, как юла.

Пропутешествовав около 3-х часов, мы повернули обратно. Вечерело. Был сильный туман. Надо было скорее дотемна спускаться вниз. Вскоре мы выехали на хорошую дорогу. Уклон был плавный. Из-за экономии горючего я выключил мотор, и мы шли вхолостую со скоростью 50—55 миль. Нога почти все время была на тормозе. Так, не потратив не одной капли горючего, мы прошли около 30 миль. Было совсем темно, мы выехали на волнистую и скверную дорогу. Но удивительное дело — волны были как бы искусственные — с одинаковым интервалом в 30—35 метров.

Фары горели довольно тускло, освещая дорогу на совсем небольшое расстояние, да это было и бесполезно, так как из-за волн видимость не превышала 30 метров, что было весьма мало для нашей скорости. А шли мы с бешеной скоростью. Мы сильно устали и хотели есть, до ближайшего города, где решили остановиться — 100 миль. Дорога была все так же извилиста. Я с дрожью теперь вспоминаю про эти часы напряженной езды, недоумевая, как все это могло окончиться благополучно. Голова буквально трещала, стучало в висках — сказывалась потеря высоты.

Ветер свистал, машина, то взлетая то ныряя по волнам, делая крутые повороты, казалось, повинуется не разуму, а инстинкту, но трюки, проделываемые машиной, не смущали не только драйвера, но и седоков. Нас всех обуревал животный инстинкт, как у лошади, которая, несмотря на усталость, несется во всю прыть, чувствуя близость стойла.

В половине 9-го в'ехали в город.

Здесь решили заночевать. Сняли «Камп». Он представлял из себя отдельный флигель из 2-х комнат, с ванной, гаражом и прочими удобствами. «Камп» был очень уютен, и все это стоило 4—50, т.е. значительно дешевле и лучше, чем Сан-францисские номера в гостинице. Камп был за городом. Устроившись, мы махнули в город, где в испанском кафе за 75 центов получили прекрасный, за всю дорогу обед.

Все наши лишения и усталость были окуплены с лихвой. Мы приняли ванны и, черкнув на Родину по паре писем (одно из них Кузьме[9]), улеглись в удобных широченных, почти квадратных койках спать.

22 февраля — Сан-Диего

Сегодня, встав в 8 часов, не торопясь позавтракав, выехали и в 5 часов вечера благополучно приземлились около нашего дома. Войдя в дом, обнаружили «извинительную» телеграмму «Сафонову, Спиридонову, Иванцову. «Сожалею об отсутствии предсказанной погоды».

27 февраля — Сан-Диего

Сегодня выходной. Мы купили легкокалиберную винтовку и ездили за город стрелять. Я оказался абсолютным чемпионом. Чего, надо сказать, сам не ожидал. Решили ездить на стрельбище каждый выходной.

9 марта — Сан-Диего

Сегодня получил исполнительный лист на десять долларов по штрафному тикету за скорую езду.

28 марта — Сан-Диего

Сегодня также тренировались на стрельбище. Я первенства, к моему удивлению, не сдавал. Итоговая стрельба была по довольно интересной мишени. У Чифа[10] были недорогие карманные часы. Они добросовестно ему служили год. Но кому-то в голову пришла мысль расстрелять их. Разделив их стоимость минус амортизация на количество стрелков — и внеся каждый эту сумму владельцу, приступили к делу.

Очередность стрельбы определили жребием, дистанцию — пропорционально общему количеству очков, выбитых при стрельбе по мишеням. Мне повезло — жребий выпал стрелять первому, но стрелять надо было на 48 метров. Вл. Иванов, имея самое меньшее количество очков, должен был стрелять с 11 метров. С большим волнением под затаенное дыхание соперников — выпалил, и часы кувыркнулись с сучка. Пуля угодила почти у самой оси стрелок. Но забыли обусловить, кому должны достаться часы как сувенир, и чтобы этот вопрос решить, таким же порядком решили их разыграть. Мне опять подвезло, я стрелял снова первый, и снова они слетели, но как сувенир они уже не представляли ценности, ибо разлетелись вдребезги.

На обратном пути взамен расстрелянных купили новые часы Чифу. Кстати, они здесь стоят почти столько, сколько стоят полсотни бумажных мишеней.

20 марта. Сан-Диего

В нашем полку прибыло — под’ехало еще двое земляков. Сегодня также стреляли за городом и играли в скракли. Первенство сегодня я сдал, но в следующий раз думаю снова забрать.

24 марта. Сан-Диего

Сегодня окончательно выяснилось, что быть здесь примерно придется до июня.

Это наша улица в Сан-Диего. У бровки — допотопный электрический автомобиль одного чудного старика, что жил напротив.

Вот этот чудо-электромобиль крупным планом.

27 марта Сан-Диего

Сегодня в Сан-Диего — гастроль бродячего цирка. Я вообще не любитель цирка, но решил его посмотреть для коллекции.

Цирков здесь стационарных нет ни в одном городе. Обычно они кочуют из города в город, останавливаясь на одном месте максимум на 5 дней. Однако они поражают своей колоссальностью и поэтому они, пожалуй, больше тратят времени на переезды и на подготовку, чем собственно на работу по цирковой программе. Трудно даже поверить, что передвижка такой махины может быть оправдана несколькими представлениями. Ведь это целый город! Но однако они таки оправдывают затраты с большой лихвой, и их хозяева делают хороший «бизнес».

Сан-Диего сравнительно большой город. Но наличие в нем этого колоссального балагана чувствовалось повсюду, все суетились, все куда-то торопились.

Еще далеко не доехав до места, где расположился цирк, мы увидели целые толпы народа и улицы, забитые машинами. Впрочем, автомобилей было больше, чем пешеходов, короче говоря, была автомобильная толпа. Полисменам была жара — то тут, то там раздавались свистки. На каждом углу они дежурили на своих юрких мотоциклах человек по пять. Наконец, кое-как протискавшись среди лавы автомобилей, подобрались к цирку, но вот беда — куда ткнуть свой автомобиль, все улицы, окрестные места, исключая только крыши домов, были уже заняты. Мы долго искали место. И наконец, когда уже отчаявшись, решили припарковать наш кар дома в своем собственном гараже, мне каким-то чудом удалось втиснуть его в только что освободившуюся щель между машинами, буквально перед носом какого-то зазевавшегося господина, под его дикий, по-видимому, мат (если таковой существует в английском языке).

Вздохнув, пошли к цирку. Мы действительно увидели перед собой целый город. Множество всевозможных балаганов, балаганчиков, киосков, кибиток и просто разносчиков-торгашей, жаждущих, по-видимому, сделать хороший «бизнес», используя это двухдневное пребывание цирка.

Все это копошилось шумно, бухтело, кричало до звона в ушах.

Все это схоже походило на большущую ярмарку. Посреди этого хаоса воздвигался главный балаган цирка.

Порядок был такой.

Для того, чтобы посмотреть отдельные чудеса, как, например,

женщину 14 пудов, человека с тремя ногами, сросшихся близнецов, всевозможных факиров и фокусников, надо было зайти в специально отведенный для каждого такого номера балаганчик, уплачивая за каждое посещение по 15—20 центов.

А для того, чтобы просмотреть общую цирковую программу, надо было идти в главный балаган. Причем, чтобы войти в балаган, надо было заплатить 75 центов, а чтобы получить там место, надо заплатить еще 75 центов (стоять же там не разрешается!?). Не имея достаточно времени для посещения мелких балаганов, мы пошли сразу в большой балаган. Это было колоссальное здание, обойдя помещавшиеся тут же огромные конюшни и зверинцы, мы приземлились на своих местах.

Представление проходило сразу на трех аренах, не знаем, куда смотреть. В зале курили, свистели и просто орали всякие продавцы мороженного и зрители по поводу и в припадке восхищения, и без всякого повода. Половина номеров были, по-видимому, куплены с целью рекламы местными предпринимателями. Вот на арену везут укротительницу зверей на двух «Бьюиках» с надписями «Всего 1200 долларов». Вот выехала 2-х местная машина и остановилась на арене. Из нее вышли сразу трое мужчин, затем стали по одному вылезать еще и еще, вот десятый, одиннадцатый, публика ревет, наконец 14-й… Вот рев уже начал смолкать, но вдруг из машины показался огромный солидного роста клоун 15-й… свист шум, говор. Американцы развлекаются…

Номера сами по себе неважные, такие номера можно видеть в любом нашем провинциальном цирке (правда, в лучших условиях). Но все поражает своей колоссальностью, масштабами, например, если выходят слоны, то их целое стадо, я их насчитал сразу 25 шт. Правда, они работали неплохо, и больше всего мне понравился именно этот номер. Я завидовал им, когда они по все команде, с изумительной легкостью задрав задние лапы и свой стопудовый зад, становились на передние лапы. Признаюсь, на пляже мне этот номер не всегда удается.

Еще что хорошо — это организация и выполнение всех подготовительных работ. С молниеносной быстротой целая толпа рабочих, обслуживая только то, что им поручено, перестраивают арену, все механизировано и рационально приспособлено в пределах возможного. Мне говорили, что в этом цирке работает больше 1000 народу, да и нетрудно этому поверить, так как одних участвующих артистов я приблизительно насчитал около 500.

Вообще американцы любят размеры, масштабы.

Одна гимнастка делала не такое сложное, но довольно

изнуряющее упражнение, и для внушительности она его проделала 100 раз (!) Публика ревела от восторга, в то время как бледное лицо исполнительницы выражало мучительную боль и усталость.

На усталых лицах всех исполнителей было написано какое-то безразличие, движения их были механические, чувствовалось, что они работают не ради искусства, а ради грошей.

Мне особенно было жаль одну девушку, которая стояла у входа на трибуне в кругу зазывалок, обвитая огромным удавом, на дворе было свежо, а она была в купальном костюме, вся посиневшая от холода, а тут еще такие холодные об’ятия….

А в общем чепуха, — большой и плохой балаган.

Посмотрел — хватит….

5 апреля. Сан-Диего

Чертовски не везет! Сегодня опять, совершая поездку в Лос-Анжелос в районе «Мангетан-Бич'а» (везет мне на бичи!), налетел на тикет, опять за скорость. Это дело пахнет примерно долларов на 15. Хватит, кажется, торопиться, ибо быстрая езда, оказывается — удовольствие довольно дорогое.

Сан-Диего, 15 апреля

Mr. Raudebush — это яркий тип американского мещанина.

Он давно, уже лет 20, работает непосредственно на производстве. Он не имеет специального технического образования, но он вполне грамотен настолько, насколько это необходимо в его работе, и даже слишком, именно в этом направлении.

Он имеет солидный опыт работы в области металлообрабатывающей промышленности и, в частности, в самолетостроении, работая начиная от чернорабочего и кончая заместителем начальника экспериментального цеха на заводе «Бэла».

Короче говоря, это грамотный практик-универсал, типичный представитель той части работников, на которых держится вся авиационная промышленность США.

В подтверждение этого достаточно сказать, что у «Консолидэйта» из всего производственного персонала (от нач. цеха и до разнорабочего) работают имеющие специальное техническое образование 1—2%, остальные — практики, из них с вышесредним образованием (хай-скул) около 70—75%, остальные в подавляющем большинстве имеют среднее образование (8 лет).

Эти цифры, конечно, характерны только для авиационной промышленности, где еще весьма необходим универсализм, и они вполне об'яснимы, так как, имея резервную армию безработных в 12000.000, конечно можно отобрать такой прекрасный состав.

Эти люди высококультурны в технике своего дела, но весьма бескультурны в общежитейских вопросах, в большинстве своем — обыватели. Они — избранники естественного отбора в борьбе за существование, счастливы тем, что имеют работу, и с этой точки зрения смотрят не дальше собственного носа.

Вот таким является мистер Раудебуш, который, несмотря на свой многолетний опыт и знание дела, сейчас работает простым контролером-сдатчиком и, по сути дела, выполняющим простую техническую работу в части пред'явления мне приспособлений для инспекции. И при этом он уже не раз высказывал мне опасения, что может остаться без работы, в связи со свертыванием работ.

Правда, это его не весьма тревожит, но это только благодаря его исключительному спокойствию, его исключительно наплевательски-флегматичному характеру.

Работая с ним в течение 6 месяцев, я никогда не видал его

чем-либо огорченным или недовольным. Всегда спокоен, медлительный, с сияющим жирным лицом, этот добродушный шутник и весельчак часто смеется заразительным смехом, потрясывая своим огромным животом, над которым я и его коллеги часто подшучиваем, но это вызывает у него только смех.

Работая вместе около полугода, мы научились понимать друг друга с полуслова. Надо ему отдать справедливость — он мне много помог в освоении разговорной английской речи. Когда разговариваем с ним по сложнейшим специфическим вопросам, где не всегда имеем под руками даже подходяще слова из родного языка, не говоря уже о моем ограниченном английском лексиконе, он всегда терпеливо выслушивает, поправляет, высказывает предположения (по содержанию моего вопроса), и в конце концов дает исчерпывающий ответ в понятной для меня форме. Практика показала, что я его значительно лучше и скорей понимаю сам, чем через посредство переводчиков, которые, будучи не в курсе технической специфичности данного вопроса, бесчеловечно путают и уродуют простые сути вопросов и ответов. Даже больше того, когда мне нужно говорить с каким-нибудь производственником, мастером — я всегда прибегаю к посредству mr. Раудебуш «for translate».

Каждый раз, при встрече перед началом работ обменявшись приветствиями: «How are you this morning?» — «Wery well, thank you», — и мы заводим оживленный разговор о том, о сем, о новостях, о сообщениях в газетах.

Я ему очень много рассказывал о Союзе.

Безусловно многим он восхищается и с большим интересом меня слушает. Надо сказать, что такого сорта американцы имеют довольно скудные сведения о Союзе, но многое ему кажется просто непонятно. И тут стоит больших трудов преодолеть его мещанские убеждения. Он понимает, что нам надо много чугуна, тракторов, самолетов. Для него мои сообщения — как снег на голову, что мы стоим по производству тракторов на 1-м месте в мире, он восхищается этим, но он не понимает и считает это большим недостатком, что у нас не каждый может иметь автомобиль.

Считая огромнейшим достижением, даже непостижимым его воображению, факт того, что мы не имеем ни одного безработного, он не понимает, зачем нам нужна сдельщина. Дискутируя с ним на эту тему 2 дня, я наконец ему доказал это дело. Он принципиально согласился со мной, но будучи вообще по натуре тяжелым на под'ем, однако заявил, что не желал бы иметь сдельную работу. Но когда надо работу выполнить быстро, он действительно, тряся своим животом, выполняет ее

молниеносно, с гордостью называя себя стахановцем.

Таков мистер Raudebush (my friend), таковы миллионы других так называемых средних американцев, т.е. людей, имеющих работу.

25 апреля. Сан-Диего

Весна полностью вступила в свои права, хотя здесь никогда и не бывает зимы. Зацвели розы, еще ярче позеленела растительность. Парки и весь город наполнились весенними ароматами.

Стоят прекрасные солнечные дни, открылся пляжный сезон.

По воскресеньям и субботам песчаный берег «Мишен-Бича» усеян разноцветными грибами зонтов и множеством загорающих пляжников в костюмах ярких цветов. Калифорния вообще любит яркие цвета.

Нескончаемые золотистые пляжи Калифорнии. Сан-Диего. Апрель 1938

Замечательный пляж «Мишен-Бич». Как и много других калифорнийских бичей «Пасифик оушена». Люблю проводить на нем время и купаться в волнах прибоя, эти волны огромных размеров и прибой здесь почти постоянны.

Но вся беда в том, что мне нет компаньона по пляжу — ребята тяжелы на под'ем — езжу один. Иногда на пляже находишь компаньона или компаньонку, и время проходит весело, соединяя приятное с полезным, т.е. хорошее развлечение с практикой английского языка.

Вот сегодня после наших стрельбищ за городом и игры в скракли я, как всегда, предложил ехать на пляж, но у всех было кислое настроение, и никто не захотел ехать. Я взял Форда и поехал один. Время провел прекрасно, стояла хорошая погода. Но увы! Когда я, вернувшись к машине, хотел ехать домой, дал газку — мой Фордик засел по самый карданный вал. Оказывается, когда парковался, я не обратил внимания на почву, которая была песчаной, хотя и поросла сверху травой.

Вытаскивать машину собралось человек двадцать пляжников и две буксирующие машины. Машина засела слишком сильно. Так как я, видя, что она садится и желая обойтись без помощи, рискнул, дав газ доотказа и посадил ее так, что колеса повисли. Американцы, любезно предложив помощь, охотно взялись за выемку машины. Они натащили целую кучу домкратов, вал камней, досок, и через час, когда машина была подважена, подложены камни и доски, под гром аплодисментов я выехал.

Спасибо американцам за их любезность, я не знал, как их благодарить. А в общем, время провел неплохо, и впредь будет наука, где парковаться.

28 апреля, Сан-Диего

Завтра опять выезжаем вчетвером в 3-х дневное путешествие по маршруту Болдер-Дам — Секвойя — Дайд-Валей. Едем на «Бьюике».

1 мая, Лас-Вегас

Побывали в «Секвойе» и в «Долине смерти». Решили заночевать в «Лас-Вегасе», чтобы завтра с утра посетить Болдер-Дам. Здесь всего 20 миль — на 20 минут езды, но ехать ночевать туда не решились, зная, что там из-за наплыва туристов не всегда можно достать гостиницу.

2C 147

Припарковавшись и сняв номер, мы пошли побродить по городу. Я второй раз в этом городе, но первый раз я был мимолетом, теперь же имел интерес подробнее познакомиться с этим кое-чем замечательным и единственным в своем роде городе.

«Лас-Вегас» — город притонов и игорных домов, в этом отношении, пожалуй, конкурирующий с «Монте-Карло», разве только поменьше последнего.

Сюда с'езжаются со всей Америки дельцы, игроки и вообще любители острых ощущений.

Мы прошлись по главной улице, в каждом доме было какое-нибудь игорное заведение.

Сегодня был какой-то ковбойский праздник. Город был иллюминирован и разукрашен множеством национальных флагов. Масса ковбоев или, вернее, людей, одетых в ковбойских костюмах. На улицах стоял визг, свист и улюлюканье. Было изрядное количество пьяных — развлекались, кто как мог. По улицам проносились с шумом автомобили, набитые до отказа «ковбоями», разряженными в разноцветные костюмы.

Вот на перекрестке старая машина, напоминающая «Антилопу гну», разукрашенная, как лошадь, цветами и лентами, забитая чуть ли не внавалку ковбоями под пьяные гиканья последних, по-лошадиному становясь на дыбы, выделывала отчаянные номера. Это «моторизированные» ковбои.

Зеваки, собравшись толпой, ржали до одурения от удовольствия. В конце улицы справа мы увидели обнесенные забором, нечто вроде ярмарки с качелями, всевозможными каруселями, балаганами и прочими играми. Вернее, это была не ярмарка, а целый комплекс «Амюзментов» в духе среднего американца.

Вход туда стоил 10 центов. Мы зашли. Здесь почти все поголовно были одеты в ковбойские костюмы.

От криков зазывал звенело в ушах.

Каждый содержатель своего заведения или зазывала буквально хватали за руки и тащили к себе. В этом базаре, похожем на скотский двор, было пыльно и душно. Мы решили зайти в один из цирковых балаганов, вход стоил четвертак, а затем почти за каждый отдельный номер надо было платить отдельно. Насчет выкачки денег, как и везде в американских цирках, здесь дело поставлено отлично. Например, в маленький ящик сажают девушку, раздетую почти догола. Затем ящик, изрешеченный отверстиями, протыкают во всех направлениях шомполами, на этом программный номер заканчивается, но если

вы, любопытствуя, хотите посмотреть после этого в ящик, вы можете получить это удовольствие за добавочную уплату 10-ти центов.

Причем эти гривенники вручаются самой исполнительнице номера, которая сидит в ящике в невероятно искаженной позе со скучающим лицом, нетерпеливо дожидаясь, когда кончится этот в сотый раз повторяемый номер.

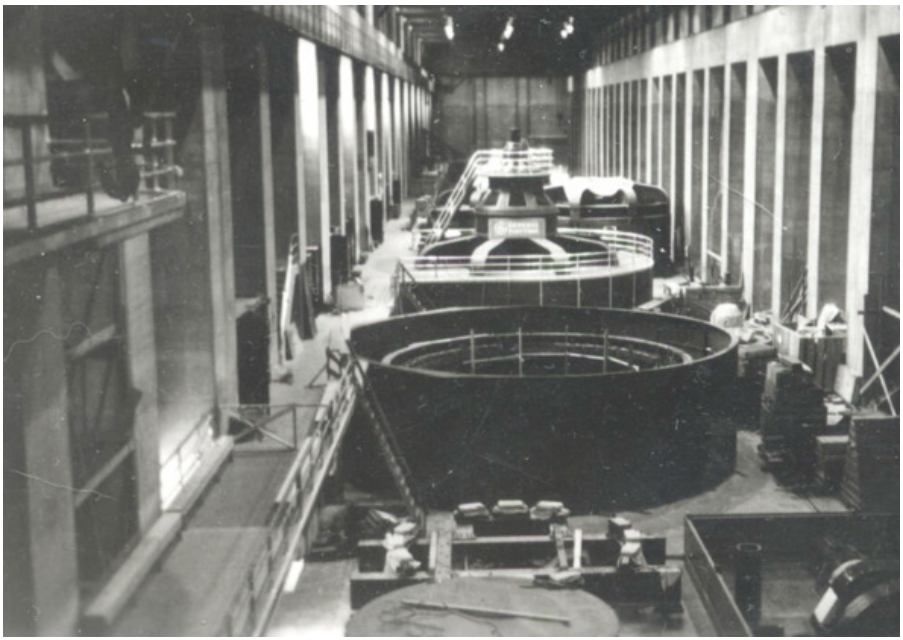
Все номера в балагане выглядят убого и даже жутко, вызывая отвращение. Вот старик лет 65-ти, усадив в повозку двух регочущих мальчуганов лет по 10—12, цепляет ее крючками за свои веки и протягивает несколько метров. У бедняги веки оттянулись на несколько сантиметров и из глаз катятся слезы, лицо бледное и жалкое. Признаться, у нас перевернулось все внутри от такого зрелища. Публика же, окружавшая нас, самодовольно ржала от удовольствия.

Мы поспешили удалиться из этого балагана, не досмотрев этой варварской программы издевательства над человеком, подвергающегося мукам ради того, чтобы заработать кусок хлеба.

К тому же был уже 12-й час, и устав в дороге, мы хотели спать.

2 мая, Болдер-Сити

Второй раз посещаю Болдер-Дам. Это замечательнейшее техническое сооружение. Нельзя не восхищаться его грандиозностью и современной совершенностью.



Машинное отделение гидроэлектростанции Болдер-Дам. 1938 г.

Мы у водохранилища Болдер-Дам. 1938

Но все же больше всего я восхищаюсь второстепенным элементом того, что привлекает сотни и тысячи туристов всего мира, город «Болдер-сити» вырастили вместе с гидростанций. Сам этот город невелик, да и по внешнему облику особенно ничем не отличается от десятков других таких же давно существующих калифорнийских городов с асфальтовыми улицами, полными зелени, с кафетериями и прочими бизнесовыми заведениями, с хорошо действующей электросетью, канализацией, водопроводом и т. д.

Но этому городу всего 6 лет, и вот в том-то его достопримечательность — что он, будучи совсем молодым городом, ничем не отличается, а выглядит даже лучше и культурнее, чем такого же класса старые города, т.е. вполне благоустроен, в полном смысле этого слова, — до конца. В этом американцам надо отдать справедливость в их предусмотрительности и темпах там, где это угодно бизнесу.

2 мая, Сан-Диего

Сегодня в 11 вечера, осмотрев Болдер-Дам и пройдя за день 700 км, благополучно приземлились в Сан-Диего.

8 мая, Сан-Диего

Пахнет домом. Сегодня окончательно установлено, что числа 20-го я выезжаю в Нью-Йорк, где, пробыв пару недель, в первых числах июня отдаю концы домой.

Уезжают почти в это же время также С. И. и Б. Теперь об этом только и разговоры. Торопливо закругляем свою работу к 20-му. Мне теперь приходится работать вечером часов до 11. Утром рано, еще до завтрака, когда я обычно выхожу в парк на прогулку, встречаю там И. или С. Поздоровавшись, мы обычно идем некоторое время молча, но сосредоточенные единой мыслью.

Затем неизменно начинается разговор: «Так, значит, скоро едем» и пошло, и пошло. Затем, переговорив на эту тему, все на время умолкаем, но молчание непродолжительно — опять и опять оно в сотый раз нетерпеливо прерывается прологом: «Так, значит скоро едем».

20 мая, Сан-Диего

Сегодня у меня прощальный день. Всегда так — в последний день не хватает времени, столько дел, что и не знаю, успею ли все переделать.

20 мая, Лос-Анжелос

Уже час ночи, и я наконец могу свободно вздохнуть от сегодняшнего сумасшедшего дня. Голова ходит ходуном и я даже удивляюсь, как я мог за сегодня сделать такую уйму дел, и успел, кажется, со всеми попрощаться. Особенно было «трагическим» прощание с Mr. Raudebush, Jaquifh и их помощниками-контролерами, с которыми я проработал 7 месяцев!

Перед самым гудком я пришел в цех, и усевшись на веранде, повел беседу с Mr. Raudebush. Все меня окружили, наперебой задавая вопросы и давая всевозможные пожелания счастливого пути. Несколько наивно смущаясь мистер Raudebush вручил мне маленький пакетик «this present for you». Я вскрыл пакетик. В нем был специальный ключевой портмонетик, очень оригинальной конструкции — дешевка, но память неплохая, тем более он мне был кстати, и в коробочке под низом лежала небольшая визитка с надписью «happy landing» (счастливой посадки!) с подписями всего персонала контрольно-инструментального пункта. В ответ я подарил фотокарточки mr. R. и J. «To comrade Randebush» с надписью на английском и русском языках старой пословицы: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком может всегда сойтись». Мистеру Raudebush эта поговорка сильно понравилась, и он, крепко пожимая руку, долго хохотал, тряся своим огромным животом.

«До свиданна, таварйич! Хэппи лэндинг!» — «Хэппи тайм, mr. Раудебуш!»

В 6 часов, еле успев закончить дела, вернулся с завода, а в 8 после товарищеского прощального обеда в последний раз, уже не боясь тикетов, лихо пролетел на уже дряхлом, но еще резвом Фордике по освещенным улицам Сан-Диего на вокзал, и через несколько минут мы уже мчались на скором поезде в Лос-Анжелос.

Прибыли в Лос-Анжелос в 11ч. Но на вокзале никто не встретил нас. Это несколько обеспокоило, так как мы не знали ни адреса, ни телефона наших ребят. Подождав некоторое время, я начал разыскивать по телефону через информэйшен сначала консула, затем наших ребят. Увы, консул не оказался дома, и когда мы, прождав около часа, совсем отчаялись, под'ехал на машине Кабанов. Видите ли, он проспал, ах, каналья! Теперь час ночи. Завтра вылетаем в Нью-Йорк в пять часов утра на одном из наших самолетов. Предстоит покрыть около 5000 км за 20 летных часов!

21 мая. Борт самолета

Ура! Наконец я взял курс на восток для того, чтобы уже больше не возвращаться на запад, а пробыв пару недель в Нью-Йорке, отдать концы в Европу.

Сегодня поднялся в 4.30.· В 5.30 был на аэродроме, а в 6 часов наш самолет поднялся в воздух и взял курс на северо-восток.

Прощай, Калифорния, страна контрастов — нищих и господ, обилия и убожества, богатая страна для богатых, страна вечного солнца с тропической зеленью, с зеркально-асфальтированными дорогами и пятью миллионами бешено мчащихся автомобилей.

Прощай «Настоящая Америка»!

Вот огромный материк медленно ползет назад. Одни виды сменяются другими, как на киноленте…

И серебристые ленты рек, и леса, и седоватые вершины гор, бледно-желтые и безжизненные пустыни и цветущие степи, и бескрайние белоснежные поля облаков… Самолет идет на приличной высоте от 1000 до 2000 км, в большинстве случаев оставляя облака под собой. Огромная просторная кабина, похожая на кабину нашего московского троллейбуса, с откидными удобными креслами на 20 персон почти пуста, нас пассажиров всего четверо. — Блаженство!

Вот штат Канзас — одна из житниц США. Более однообразная картина кругом до самого горизонта, тающего в сизой дымке — равнина, изрезанная, как шахматная доска, разноцветными, преимущественно черными и зелеными лоскутами посевов. На каждом таком лоскуте расположена состоящая из 2-х или 3-х построек крошечная ферма. Лоскутики настолько крошечны, что иногда ферма занимает треть или четверть их территории.

21 мая, Канзас-сити

Вот и Канзас-сити, столица штата фермеров. Самолет, сделав круг вдоль реки Миссисипи, пошел на посадку. С исключительным мастерством пилот приземлил огромную машину, которая не испытала почти ни малейшего толчка.

Было 4 часа дня. Мы решили заночевать в Канзас-сити, так как теперь в Чикаго, где мы вначале думали ночевать, была плохая погода, и порт отказался нас принимать.

Взяв такси, мы вместе с пилотом отправились в город, где и остановились в гостинице.

У нас в животах было пусто, так как с самого утра мы ничего не ели, поэтому, приняв ванну и быстро переодевшись, направились в ресторан. У нас была еще уйма времени, и поэтому мы, плотно пообедав, пошли побродить по улицам — посмотреть город. Канзас-Сити — довольно большой, но старый город, с закопченными и старыми зданиями, и несмотря на то, что он, как и другие города США, имеет в центре небольшую кучку небоскребов, все же больше похож на европейские города. В этом городе особенно бросается в глаза нищета — мы видели массу нищих, оборванных мальчишек-беспризорников, просящих милостыню. Мы побыли в кино, и вернувшись домой в 11 часов, легли спать. Завтра в 7 стартуем.

22 мая. Борт самолета

Ровно в семь поднялись в воздух — американцы действительно уважают точность.

Прекрасная лётная погода, воздух чист и прозрачен, как хрусталь — замечательная видимость!

С утра, пока еще земля достаточно не прогрелась и отсутствуют какие бы то ни было восходящие потоки, самолет идет исключительно спокойно, не шелохнется, не качнёт, спокойно ввинчивается в воздух, как в густое масло, только слегка вибрируя.

22 мая. Чикаго

Через пару часов после старта снизились в Чикаго, решив здесь заправить себя и машину окончательно до самого Нью-Йорка. Пилот с исключительным мастерством, как на такси, подкатил нас к самому под'езду аэровокзала. Самолет встречало много фоторепортеров и просто зевак, очевидно, завсегдатаев, дежурящих здесь на всякий сенсационный случай. Защелкали аппараты: такие огромные машины нечасто садятся на этом аэродроме, поэтому наша машина вообще представляла некоторый интерес. Один из зевак-репортеров, видя, что машина не имеет отличительных американских знаков, обратившись ко мне, спросил чья это машина, я ему ответил, заметив, как у него от удивления вытянулось лицо, и он куда-то поспешно побежал.

Когда мы подзаправились и направились к самолету, пилот нас вежливо предупредил, что он машину подаст к самому выходу, чтобы мы не затруднялись ходьбой, и действительно, как и после посадки, он снова лихо развернулся к самому входу в вокзал, а через минуту мы уже были на стартовой дорожке и пошли на взлет.

Гуд-бай-й-й — нараспев сказал пилот в микрофон портовому начальству, когда машина оторвалась от земли.

22 мая. Борт самолета

Сделав круг над озером Мичиган, на берегу которого расположен Чикаго, взяли курс на Нью-Йорк, предстоит только снизиться в Огайской долине на несколько минут, чтобы высадить одного пассажира.

Идем все время над снежными полями облаков, которые только изредка разрываются, оголяя землю, и тогда оттуда, устремленные, как в полынье, восходящие потоки воздуха сильно начинают покачивать самолет.

Я прошел в кабину пилотов, замечательно оборудованная, удобная кабина. Один из пилотов перелистывает журнал, другой не торопясь рассматривает карту, они только изредка посматривают на приборы. Штурвалы двойного управления, как по щучьему велению, сами покачиваются то в ту, то в другую сторону, молниеносно реагируя на малейшее колебание воздуха. Самолет точно и уверенно ведет Автопилот.

22 мая Нью-Йорк

В 3 часа были уже совсем близко около Нью-Йорка. Самолет теперь, чтобы иметь ориентировку по карте, спустился под облака, от чего начало изрядно покачивать.

Через полчаса в далекой синеве показался Гудзон и побережье Атлантического океана, очертания его, как бы растворенные в дымке, вырисовывались все явственней.

Вдали показалась крошечная «статуя свободы». Еще несколько минут, и мы были над огромным островом «Мангетан», на котором расположена основная центральная и деловая часть Нью-Йорка, небоскребы тесно столпились на нем, прижавшись друг к другу. Казалось, не было ни клочка незастроенной площади, кроме узких, длинных и ровных, как стрелы, улиц, да и по ним как мурашки серой массой ползли автомобили. Казалось, между этим нагромождением камня и металла шла бешеная борьба за существование уже не на площади, а вверху за завоевание высот.

Вот в восточной части острова победоносно и гордо возвышается кучка небоскребов Уолл-Стрит — района банковских дельцов и бизнесменов. Но как бы соперничая с ними, в центре острова возвышается другая кучка небоскребов Рокфеллеровского центра, как стрелы, уходящие еще выше в небо, во главе с гордым и красивым, с металлическим блеском, белоголовым «Эмпайр-стэйт Билдинг», пока еще самым высоким зданием мира.

К югу уже на самом материке расположена жилая часть Нью-Йорка, более огромная по площади, не многоэтажная, почти без небоскребов — Бруклин.

Самолет, сделав два круга над островом, пошел через Бруклин на посадку к городскому аэродрому.

Когда мы приземлились, здесь нас также встречали толпы зевак и репортеров, как и в Чикаго, которых было сегодня особенно много еще и потому, что было воскресенье.

Приземлившись, мы взяли такси и отправились в Нью-Йорк, езды отсюда минут 45, т.е. километров 35—40.

Остановились в гостинице Волкет.

Вымывшись и переодевшись, пошли в ресторан, где изрядно заправились. А после этого на 42-й в кинотеатре «Камео» смотрели наш первомайский парад и замечательно скомпонованный хроникальный обзор столиц всех наших 11-ти республик. Битком набитый зрительный зал неоднократно наполнялся громом аплодисментов и долго бушевал, когда

на трибуне появился простой и улыбающийся т. Сталин. Пред нами прошли грандиознейшие заводы, бурно растущие и благоустраивающиеся социалистические города с зелеными насаждениями на просторных улицах, с парками, в которых нет пределов для веселья, молодежь, всегда веселая молодежь! Поет, танцует и развлекается, мы с завистью смотрели на их задорные улыбающиеся и родные лица.

Эти живые и волнующие отрывки снова напомнили нам о бьющей ключом счастливой и радостной жизни в нашей стране. Мне скорее хочется на родину, туда, где берут источник сияющие на весь мир рубиновые звезды. Я счастлив близкой возможности этого.

25 мая, Нью-Йорк

Чертовски много хлопот:

Надо успеть оформить кучу основных и своих личных дел, а также произвести некоторые закупки.

Переехал в гостиницу Варингтон.

В Нью-Йорке еще много старых ребят-коллег, но и много пораз'ехалось.

Сегодня отдал заключительный визит в Радио-Сити, замечательный театр! Замечательное искусство — снова пришлось констатировать.

Установлено, что еду 1-го «Нормандией», это, кажется, недурно.

29 мая, Нью-Йорк

Сегодня побывал на «Айленде оф Амюзмент» (остров развлечений). Сюда по воскресеньям с'езжаются миллионы людей, здесь сконцентрированы действительно всевозможные развлечения, какие только выдуманы человеком. По воскресеньям это огромный муравейник. Люди до одурения хохочут, проходя всю процедуру сорок одного удовольствия за 50 центов.

Вы здесь можете встретить всевозможные развлечения и замысловатые полезные, дающие действительно вам отдых и вызывающие смех, и довольно грустные на наш взгляд, вызывающие у вас отвращение и сожаление, что до сих пор еще живы в человечестве элементы варварства (причем таких больше), вы найдете здесь все, что может дать какой-либо доход их содержателям. Но американцы над всем смеются и всем довольны.

Больше всего эти развлечения представляют из себя балаганы циркового порядка с их убожеством и цинизмом, которые я однажды уже имел возможность описать в этом дневнике. Здесь, как диковину, показывают больных людей и калек, здесь за гроши люди подвергаются увечьям и калечат свое тело и т. д. и т. п.

Смешно и прискорбно будет назвать эту «ярмарку» местом для отдыха — я ушел отсюда усталый и разбитый.

Весьма метко описали этот ад на земле в своих произведениях Пильняк («Окей») и Ильф и Петров («Одноэтажная Америка»). Я имел честь лично удостовериться в этом.

31 мая, Нью-Йорк

Завтра уезжать, а у меня «делов»! делов! И чем ближе к от'езду, тем их становится все больше. Если я успею все сделать, что намечено, то это — чудо.

И какая досада! — ситуация изменилась — оказывается, едем теперь не на «Нормандии» а на «Акватории». Говорят, не хватило мест. Ой ли?!

«Акватория» тоже шип большой, 48.000 т, но все же «труба пониже и дым пожиже».

А впрочем, на чем-нибудь, только бы поскорей.

1 июня, Борт Акватории

Ну, кажется, можно вздохнуть, кончились мытарства — я уже на пароходе и вещи в каюте. Перебираю в памяти последние сумасшедшие дни, заглядываю в книжечку и удивляюсь — кажется, успел сделать всё, за исключением маловажных мелочей.

В 12 часов одновременно отходят два парохода от расположенных рядом Французского и Английского причалов — Нормандия и Акватория. Много наших ребят-счастливцев едут на Нормандии.

На пристани огромная толпа провожающих, писк, визг, прощальные выкрики на всевозможных языках.

12 часов… Красавица «Нормандия» вышла первая, загородив наш путь. Колоссальная (80.000 т), она с изумительной легкостью развернулась и направилась к выходу из залива. Мы с завистью помахали стоящим на ее борту нашим коллегам. Наконец, и мы направились к выходу.

Шли малым ходом. Нью-Йорк медленно уползал назад.

Вспоминался день прибытия в Нью-Йорк 9 месяцев назад, с каким любопытством я смотрел тогда на это нагромождение небоскребов, и с каким безразличием — теперь. Но все же глаза были невольно прикованы к этой картине, хотелось запечатлеть ее навсегда. В памяти пронеслись все 9 месяцев, проведенные в Америке, вспоминалась каждая мелочь. С какой-то еле заметной тревогой старался припомнить — а всё ли сделал, что нужно и можно было сделать, что-то казалось недоделанным неиспользованным….

Рокфеллеровский центр остался позади. Вот поравнялись с кучкой небоскребов «Уолл-стрит». Теплоход набирал скорость, прошли мимо статуи свободы, но скоро и она осталась далеко позади. Железобетонные громады Нью-Йорка растворялись в сизой дымке, но все еще отчетливо выделялась горделиво возвышавшаяся серебристая голова мрачного «Эмпайр-Стейт-Билдинг».

Прощай, Америка!

Страна высокой техники, отчаянного бизнеса и классического бандитизма!

Теплоход шел полным ходом, и мы уже вышли в океан.

Впереди до самого горизонта — бесконечная синева океана.

5 мая, Борт Акватории

Идем хорошо. Погода стоит сносная, почти не качает. У нас прекрасные 2-х местные каюты, одна против другой, крайние. Наша каюта особенно просторна, около 12 кв. м., целый апартамент.

Я установил свою радиолу, правда радиопередачи слышно очень плохо, так как экранирует корпус корабля, но имея огромный набор всевозможных пластинок, мы в этом и не нуждаемся, даем отличные концерты.

Культобслуживание на корабле вообще поставлено хорошо, так, что и времени не хватает — то кино, то танцы или игры и пр. Время разбито до единой минуты. Кормят великолепно. Стюард изощряется, как только может, надеясь, очевидно, получить изрядный «чай». Обычно мы ему заказываем на его вкус.

«What do you want». Надо сказать, что вкус у него неплохой — он действительно предлагает нам лучшие блюда.

На пароходе едет около 100 человек чехов, членов американского отделения спортивного общества «Сокол» на какой то большой с'езд этой организации в Чехословакии. Они очень организованы. По утрам регулярно производят коллективные физзарядки. Давали несколько выступлений на вечерах в кают-компании.

Рассчитываем прибыть в «Саутхамптон» 7-го утром.

7 мая Шербург

В 8 часов зашли в военный французский порт Шербург. Он весьма сильно укреплен. Высадили несколько сот пассажиров в том числе и чехов. И взяли курс на Саутхамптон.

7 мая, Саутхамптон

Прибыли сюда в 2 часа дня, все таможенные дела и оформление виз прошли еще на пароходе, в этом отношении англичане молодцы, они предусмотрительно для этой цели посадили на пароход чиновников.

Через час мы уже мчались в поезде по направлению к Лондону.

8 мая Лондон

Много хлопот — надо произвести кое-какие закупки, а в 5 часов вечера на своем пароходе «Дзержинский» отправляемся в Ленинград.

8 мая Борт Дзержинский

Ну, теперь уж почти на родине. На теплоходе большинство едет советских граждан. Здесь как-то чувствуешь себя свободней, как дома. Нас тепло встретила команда. Вокруг радует слух родная речь. Теперь конец всем хлопотам, чувствуем себя спокойнее, у меня в кармане остался только один шиллинг.

Плотно поужинав, в десять часов вечера снялись с якоря и пошли вниз по Темзе.

Был теплый и тихий вечер. Все, и команда, и пассажиры собрались на нижней палубе. Тепло и дружелюбно разговаривали, мы наперебой расспрашивали моряков — как у нас там на родине. Невидимой нитью были все связаны; разве можно было это наблюдать на другом пароходе, где моряк есть слуга пассажира!? Появился патефон и куча пластинок. Пошли танцы, веселье. 13-го думаю пришвартоваться в Ленинграде.

10 мая Борт Дзержинский

Прошли Кильский канал.

Нам положительно везет! Стоит превеликолепная погода — море спокойно, теплоход идет ровно, не качнет.

Договорившись с капитаном, вместе с радистом установил свою радиолу в своей каюте. С трубы спустил специальную антенну. Пошарив по коротким волнам в эфире, наткнулся на какой-то радиотелефонный разговор Москвы с Ташкентом. Какой-то руководящий работник из центра давал установку своему работнику, затем любящая жена настойчиво спрашивала своего мужа в Ашхабаде «Вася, когда же ты приедешь?». Странно слышать родную речь здесь за тысячи километров.

А они спокойно беседуют, не подозревая, что их слышит весь мир. Моя каюта трещит от любопытствующих слушателей.

Вот диктор станции Коминтерна отчетливо сообщает последние новости на нашем живом и родном языке. Мы с жадностью вслушиваемся в каждое слово. Вот слышится звонкая песня счастья — «Широка страна моя родная!»… улыбка озаряет радостные лица всех слушателей.

12 часов… включается Красная площадь, мы отчетливо представляем сверкающие рубиновые звезды, слышим сирены автомобилей… Мы слышим мощный пульс жизни столицы нашей родины. Но вот Кремлевские часы мерно отбивают 12… Торжественная тишина, все затаили дыхание… Радостные и бодрящие звуки Интернационала унесли наши мысли снова туда далеко вперед, в столицу ликующего счастья!

Скорее, скорее домой!…

12 мая. Борт Дзержинский

Сегодня, упражняясь с радиолой, уловил и довольно четко передачу из …Нью-йоркской «Опера Гарден сквер».

Завтра прибываем в Ленинград, идем без опозданий.

А что было дальше?

Наташа Сафонова
(Коноплева)

Дальше было возвращение в Комсомольск-на-Амуре, работа на заводе, построенном своими руками, новые самолеты, женитьба на красавице Любе, сталинские репрессии и боль за репрессированных друзей, выпуск боевого самолета ИЛ-2, затем легендарного ИЛ-4…

И вдруг война, армия, куда он пошел добровольцем, отказавшись от заводской брони. Я родилась в эвакуации и впервые увидела папу, когда мне уже шел пятый год. Всю войну я разговаривала с его фотокарточкой на этажерке (это фото в начале книги). Он пришел с войны пешком, в пыльных сапогах и запыленной выцветшей гимнастерке, с потускневшими, когда-то ярко-белыми волосами.

Теперь уже я была очевидцем и участником этой жизни, благодарным, наблюдательным, любящим. И я рассказываю, что было дальше…

Нас будут помнить вечно по оставленным в жизни следам (Изречение индейцев Лакота)

Начну с тёплого пасмурного дня в послевоенной Москве. Скоро мне будет пять лет. Я сижу дома взаперти. Вдруг распахивается дверь, входит незнакомый человек в военной гимнастерке и неумело поднимает меня на руки. Это пришел с войны мой папа!

С его появлением я узнала новые слова: Комсомольск, Дзёмги, завод… У нас дома стали часто бывать люди, непохожие на других: энергичные, веселые, громкоголосые. В увлечённых разговорах они любовно произносили звонкое словечко «Дзёмги», говорили о таинственных «ЛИдва» и «ИЛчетыре». Все эти люди назывались: комсомольчане.

Начиналось это в 1932 году, когда он в составе одной из первых групп добровольцев высадился на берег Амура, чтобы строить в тайге город и авиационный завод. В мае 1936 года над сборочным цехом завода, возглавляемого Павлом Сафоновым, взлетел первый самолет.

В 1937 году папа был направлен в США для закупки оборудования и стажировки на американских авиационных заводах. Вернувшись в Комсомольск, продолжал работать начальником сборочного цеха завода и одновременно заочно учился в Промышленной авиационной академии.

Война застала его в Москве, когда он сдавал выпускные государственные экзамены в Промакадемии. Последний экзамен — 22 июня 1941 года. У молодого начальника сборочного цеха — заводская бронь. Но он в тревожное для Москвы время уходит добровольцем в московское ополчение. Позже он становится танкистом. Одно из моих ранних детских воспоминаний — его военные письма-треугольники без марок и фотокарточка на этажерке.

После войны — учеба в Высшей дипломатической школе. Вечерами у керосиновой лампы он изучает английский и испанский. Читает вслух, а я сижу рядом и повторяю незнакомые слова: мы играем «в иностранцев».

Назначение вице-консулом в Китай. Снова дорога на Дальний Восток.

Папины рассказы у вагонного окна. Он знает все станции. Проезжал по этой дороге не раз — на строительство Комсомольска, в производственные командировки, на учёбу в Москву.

В Мукдене (теперь Шэньян) отец начинает осваивать китайский язык, изучает международную обстановку па Дальнем Востоке. По воспоминаниям Генерального консула в Мукдене Андрея Мефодиевича Ледовского, он быстро становится хорошим китаистом.

Консульскую работу отец совмещает с организаторской, устанавливает связи с китайскими и советскими специалистами. Затевает строительство и оборудование консульства, хотя это не входит в его обязанности. Эта деятельность вошла в привычку еще в Комсомольске. Строит отличную детскую площадку для нас. Туда приходят и китайские ребята.

Во время поездки на китайский завод отец видит знакомый ему советский станок. Он рад ему, как старому другу. Просит разрешения встать за него и, к восторгу специалистов, вытачивает деталь.

Назначение Генеральным консулом в Западный Китай (город Шара-Сумэ). Папа устанавливает связи с местными властями, активистами. Привлекает к сотрудничеству местных «князьков». Много ездит, выполняя консульскую работу, хотя поездки по этому дикому краю, где кое-кто настроен враждебно, связаны с риском для жизни. Об этом периоде папа рассказывал мало. Фотографий почти не было. Позднее в своей книге он пишет об этом времени очень коротко.

Объяснение этой лаконичности я нашла совсем недавно благодаря Интернету. По цепочке я вышла на сына предыдущего Генерального консула в Шара-Сумэ, ныне здравствующего В. Д. Красильникова, дипломата и востоковеда, который написал книгу «Синьцзянское притяжение». Из этой книги я узнала о предыстории этих земель и поняла, что папа давал подписку о неразглашении. Он держал данное слово всю жизнь.

Отъезд на работу в миссию СССР в Таиланде (Бангкок).

Одновременно он назначен представителем СССР в ЭКАДВ при ООН. Много ездит по странам Дальнего Востока: Индия, Таиланд, Пакистан, Цейлон, Бирма, Сингапур. Я учусь в Москве в интернате МИД. Получаю открытки из разных стран. Отец пишет о своей работе, делится, как с равной, своими заботами, огорчениями, успехами.

И снова он — первый. Первый русский на этом посту. Незнакомая работа, незнакомые условия. Спросить не у кого, не с кем посоветоваться. Но он справляется отлично.

Австралия. Советник посольства СССР в Канберре. Дипломатические отношения с Австралией до этого много лет были разорваны. Нужно все начинать сначала. Первым выезжает туда отец. Первый русский, советский человек на австралийском континенте. Его портреты — на страницах австралийских газет. Но для отца это не праздник, а тяжелый труд, заботы. Он один на чужом материке. Куда идти после встречи с репортерами в аэропорту? С чего начинать? С кем завязать деловые и дипломатические связи? Где строить посольство? И как строить?

Но за плечами — Комсомольск, его школа. Быть первым — не привыкать. Отец быстро налаживает связи, покупает участок, организует строительство. Порою сам, к удивлению австралийцев, орудует то лопатой, то молотком. Постепенно съезжаются сотрудники посольства. Складывается дружный, активный коллектив.

Случаются и трудные, и даже опасные моменты. Отец — Временный поверенный в делах СССР в Австралии. В это время происходит ЧП — австралийские власти задерживают сотрудника посольства и обвиняют его в шпионаже. Надо срочно принимать решение, как действовать. В Австралии — рабочий день, а в Москве — глубокая ночь. Отец, не дожидаясь указаний сверху, делает официальное заявление и добивается освобождения коллеги. Тут же организует его срочный отъезд с семьей кружными путями. В Москву отправляет отчёт о своих действиях и добавляет: «Если вы не согласны с моим решением — дезавуируйте меня!». Он ставит на кон свою карьеру и благополучие ради дела.

1967 год. Всемирная выставка в Монреале. По межгосударственному соглашению в Монреале организуется после сорокалетнего разрыва Генеральное консульство СССР.

Генеральным консулом назначен отец, В это время в Монреале собирается небывалое число советских граждан — строителей советского павильона, сотрудников павильона, высоких гостей Всемирной выставки. Отец вылетает в Монреаль первым и несколько месяцев ведет эту огромную консульскую работу один. Вызывает меня в Монреаль, я приезжаю в начале июня.

35-летие Комсомольска застает папу в Монреале. Туда друзья-комсомольчане присылают ему приглашение в Комсомольск на праздник. Он тоскует, что не может вырваться. Организуем празднование дня рождения Комсомольска в консульстве. Маленькая советская колония из семи человек поднимает бокалы за процветание Города Юности.

Генеральное консульство СССР пока помещается в скромной трехкомнатной квартире в обычном жилом доме. По вечерам после 12-часового рабочего дня мы с папой ходим по городу, осматриваем предлагаемые дома. Купили самый лучший, хотя это стоило немалого терпения, упорства и споров с нашим валютно-финансовым управлением. Заодно пришлось переспорить двух миллионеров, владельцев дома, которые никак не соглашались на предложенную цену. Но у отца — комсомольская закалка.

Первое, что отец оборудует в новом здании консульства — отличная мастерская. Она нужна для дооборудования здания под консульские нужды. Отец с увлечением работает в мастерской сам.

Враждебные демонстрации антисоветских организаций в Канаде. В консульство через каминную трубу подбрасывают бомбу. Ночной дежурный успевает обезвредить её, но получает ранения. Отец принимает технические меры безопасности. Всё делает своими руками.

Бывая в деловых поездках на Дальнем Западе Канады, отец подолгу стоит на тихоокеанском берету, вглядываясь в горизонт, за которым его Комсомольск.

Он организует в Монреале субботники среди дипломатов разных стран, в том числе и капиталистических. В мэрии он «выбивает» участок для спортивной площадки. Приглашает членов дипломатического корпуса на субботники по ее строительству. Иностранцы, до тех пор незнакомые с такой формой работы, трудятся с большим увлечением. Потом проводят «международные» спортивные встречи по теннису, волейболу.

В 1972 году отец, казалось бы, насовсем возвращается домой и выходит на пенсию. Оглядываясь назад, можно сказать, что в дипломатической работе ему выпала трудная доля. Почти всюду, где ему приходилось работать, он был первопроходцем: приезжал на голое место, основывал, организовывал, строил. Это очень нетипично для дипломатической работы в наше время. Ведь большинство советских представительств за рубежом существуют десятки лет. И только отец не раз оказывался первооткрывателем «белых пятен» на дипломатической карте мира.

Думаю, что это не случайность. Отец испытывал постоянную потребность в такой деятельности. Как он был со времен Комсомольска первопроходцем, так и остался им на всю жизнь. Эту его черту давно подметили и друзья, и руководство. И посылали туда, где не обойтись без его энергии, упорства и навыков, воспитанных Комсомольском.

Уже после ухода на пенсию к нему не раз обращались из МИДа и просили снова поехать за границу хотя бы ненадолго, чтобы открыть новое «белое пятно». Так он снова оказался в Австралии, где нужно было открыть вновь образованное по соглашению Генеральное консульство СССР в Сиднее. Не нашлось первооткрывателей помоложе.

И снова он один выходит австралийской ночью из самолета в Сиднейском аэропорту. Тогда мой папа не в первый раз один-одинешенек прибывал в другой мир, где его никто не ждал, не встречал, не помогал. Снова — ночной аэродром, ни кола, ни двора, чужие звезды Южного полушария, жизнь в случайном мотеле…

Папа выбрал для консульства в Сиднее еще только строящийся дом. Позже я встречала людей, которые работали в этом здании, я их ни о чем не спрашивала, но они все говорили: отличный выбор, какой замечательный дом! В тот раз валютно-финансовое управление опять не соглашалось дать нужную сумму. Папа летит из лета в зиму, в Москву, убеждает ВФУ, что это лучшее вложение денег, чем держать их в банке даже под высокие проценты. (Это отдельная триумфальная история: он строит графики, где наглядно видно, что станет с этими деньгами через 10 лет, и убеждает чиновников). Потом он летит обратно из зимы в лето наблюдать за строительством, планировать здание, налаживать работу…

В старину таких людей называли первопроходцами. А когда Комсомольск-на-Амуре постепенно становился историей, ставились пьесы, фильмы о комсомольцах тридцатых годов (папу снимали в многосерийном фильме «Мужество»), появилось немного неуклюжее слово «первостроитель». Папа был членом Совета первостроителей Комсомольска-на-Амуре. Много лет мы с ним ходили на ежегодные встречи комсомольчан на улице Правды в Москве. А потом я ходила на эти встречи одна…

Когда папы не стало, на памятнике ему была сделана надпись без чинов и званий: «Первостроитель Комсомольска-на-Амуре». И все. Это главное. Однажды я слышала, как какие-то зеваки, проходя мимо памятника, сказали: «О! Первостроитель! Самый первый построил!»

Да, построил. Самый первый. И не только город Комсомольск-на-Амуре.

Наталья Коноплёва (Сафонова) 2017 г

Продолжит рассказ об этой жизни друг папы Анатолий Борисович Максимов. Недавно он позвонил, чтобы встретиться со мной, и передал мне эти страницы.

Анатолий Борисович Максимов
Ветеран внешней разведки
Капитан I ранга в отставке

Добрый след

Работа за рубежом приводила меня в разные страны Юго-Восточной Азии, Европы и Северной Америки. И теперь, за давностью лет, вспоминается тот факт, что эти визиты всегда сопровождались встречами с замечательными людьми. И одно из этих знакомств переросло в дружбу на десятилетия.

Случилось так, что в силу служебной необходимости в конце апреля шестьдесят седьмого года я оказался на междунароной выставке ЭКСПО-67 в Монреале по линии Внешторга.

Наш Советский павильон и еще около ста национальных павильонов готовились к открытию грандиозного представления народов Земли под девизом «Человек и его мир». В Монреале ожидался многомиллионный наплыв гостей (забегая вперед, скажу: при населении страны в 21 миллион человек канадцы смогли принять более 22 миллионов посетителей).

За два дня до официального открытия выставки, где Советский павильон рассматривался как своеобразный «центр тяжести» всего ЭКСПО, газеты и телевидение передали трагическую весть: при возвращении из Космоса после первого многодневного полета погиб космонавт Владимир Комаров.

В этот день сотни людей — сотрудников нашего и других павильонов — поднимались на третий этаж в раздел «Космос» и отдавали последнюю дань уважения одному из первооткрывателей космических тайн — русскому и советскому гражданину и Человеку Планеты.

Они останавливались перед большим черно-белым портретом, с которого на них спокойным взглядом смотрел Человек из Советской России для одних — и Человек из истории — для других. Посетила это траурное место и делегация из американского павильона во главе с самим фон Брауном, тем самым, который готовил ракеты для обстрела Лондона, был генералом СС, а теперь идеологом ракетостроения в Штатах. К полудню люди шли вереницей, уже не останавливаясь, лишь на секунду замедляя шаг, чтобы по-человечески сострадать нам, русским.

…Первыми у портрета побывали со скорбной миссией руководители нашего павильона. Чуть позднее пришли представители советских организаций в Канаде: Морфлота, Аэрофлота и Интуриста.

Среди сотрудников Генерального консульства СССР я обратил

внимание на высокого со спокойной статью человека, которому было за пятьдесят. Он выделился тем, что, поднимаясь по лестнице, перестал обращать внимание на оживленно беседующего с ним попутчика. Он остановил его эмоциональную речь жестом. С того момента этот человек не сводил взгляда с лица космонавта, а его лицо приобретало все большую задумчивость.

Было такое ощущение, что это необычная личность в иерархии советских сотрудников здесь, в павильоне, и даже в Канаде. Он не ушел со всеми, а отойдя в сторону, одиноко созерцал печальный ритуал у советского Сына Земли. Неожиданно он отвернулся в сторону стендов, но встретив наши взгляды, отошел к перилам. А я успел заметить, что в его глазах, уставших от забот и, видимо, от глубоко проникшей в его душу скорби, застыли слезы…

Позднее, встречая этого человека среди наших людей в павильоне, я узнал, что это был Генеральный консул Павел Федорович Сафонов, один из опытнейших дипломатов. И всегда, кто бы ни говорил о нем, обязательно отмечал с доброй долей уважения, что он был одним из комсомольцев тридцатых годов — первооткрывателей и строителей города-символа на Дальнем Востоке Комсомольска-на-Амуре.

А пока неизвестный мне генконсул все еще стоял в стороне, и поток людей от портрета в черной раме оттесняла горка цветов. Часам к трем «очередь прощания» начиналась уже за пределами нашего павильона.

Глаза всех нас потеплели, когда к портрету Человека Вселенной, как называли в эти дни погибшего газеты, проникла стайка американских бойскаутов. Каждый из них оставил цветок, былинку-травинку и даже полынь с нашей Земли, столь желанной для космонавта и столь опасной для него в момент этой последней встречи.

Тогда, у портрета нашего Героя-космонавта, я не мог предположить, что с личностью Павла Федоровича нашу семью свяжет судьба не на одно десятилетие. А она, судьба, явно была благосклонна к нам, ибо чуть более чем через год, во время приезда в Канаду на длительный срок по делам торгового представительства в Монреале пришлось иметь тесные отношения с ним по служебным, общественным и личным делам.

И теплое дружеское расположение Павла Федоровича, возникшее там, вдали от Отечества, мы — жена Нина и трое ребятишек, один из которых родился в Монреале, чувствовали и после возвращения в Москву. Никто, кроме Павла Федоровича,

не смог бы воссоздать в Москве наше «канадское землячество» и прочно взять его в свои руки.

И когда Павла Федоровича не стало, «союз», как-то сам собой, распался. Отдельные встречи проходили, но уже не в таком большом составе.

Весьма примечательным стал тот факт, что уже в Москве Павел Федорович выделил среди десятков бывших сотрудников советской колонии в Монреале нескольких «молодых» (сорокалетних и около того) людей. Причем даже не сотрудников генконсульства, а из других ведомств и даже с «двойным дном». Речь идет о тех, кто работал в Канаде под «крышей» — Морфлота, Аэрофлота, Интуриста, Торгпредства. Чем выделил? Приглашением на свое семидесятилетие, которое он справлял на даче, где многое было сделано его руками.

И по сей день это для меня «феномен», который озадачивает эдакой своеобразностью: мне и Нине — под сорок, и моим коллегам из других ведомств — около того. И быть приглашенными к Павлу Федоровичу?! Это не просто большая честь, но этим своим поступком он дал оценку нашей гражданской позиции и человеческим качествам!

На двадцатипятилетие нашей с Ниной свадьбы Павел Федорович возглавил ту часть стола в ресторане «Пекин», где «заседало» канадское землячество. Его дамой сердца была дочь Наталья. Особенностью торжества было то, что все «горючее» пряталось за портьерами, ибо в стране царствовал «сухой закон».

И в тот день весьма примечательным было то, что один из самых простых подарков был сделан Павлом Федоровичем. Подарок он изготовил сам, собственноручно, назвав его «Салют»: на подставке высотою в пятнадцать сантиметров вертикально расходятся вверх тонкие тросики с цветными шариками на концах. Так в чем особенность?

Этот подарок ежедневно и даже ежечасно сохраняет память о нашем «канадском» друге — Павле Федоровиче. Мы не помним другие подарки — время поглотило их и имена тех, кто дарил.

«Салют» уже не одно десятилетие греет душу и всегда на виду. Не затерялся подарок, и все, кто приходит к нам, всегда слышат рассказ о замечательном Гражданине, Патриоте, Профессионале.

Думается, что только широкая душа и противная его характеру «кастовость» МИДовцев смогла создать в Монреале столь дружный коллектив советской колонии. Павел Федорович

объединил и на служебном, и на бытовом, и на общественном уровне все ведомства — с людьми, разными по характеру и амбициям, по жизненному опыту и по отношению к зарубежному быту.

Причем он делал это весьма деликатно и ненавязчиво, «привязав» все события домашнего уровня к проведению их в стенах генконсульства. И было «великим счастьем», что жена завхоза генконсульства оказалась в недавнем прошлом директором кулинарного техникума!

И вот результат: открытие сезона с прибытием теплохода «Пушкин» — малый «сабантуй», приезд артистов или открытие выставки советского детского рисунка… Не говоря уже об официальных праздниках и днях рождения.

Лето в тех местах жаркое, и выезд семьями на «Оку» — обычное явление в выходные дни. Вблизи Монреаля Великая Река Канады Сан-Лоран разливалась широко, и это место называлось «де Ока». И всегда заводилой был Павел Федорович и его верный «Санчо Панса» Герман Бурков, по общественной должности «профорг», а по работе — капитан-наставник Морфлота.

Большим событием для совколонии было столетие Владимира Ильича Ленина. Были официальные приемы, многочасовые передачи по радио и телевидению, включая программы из Штатов. И вот что характерно: не было недоброжелательства, ерничества и ехидства. И не потому, что этот день входил в список торжеств ЮНЕСКО. Люди мира понимали, что именно Ленин повернул мир в иную сторону — лицом к простым людям. И, честно говоря, было удивительным видеть на экране столь много положительного о личности и делах нашего вождя.

Подготовка к столетию включала в себя изготовление для каминного зала торжественного портрета Владимира Ильича. Учитывая, что я часто оформлял объявления, плакаты, рисовал картонных зверюшек к детским праздникам, Павел Федорович предложил заняться портретом мне.

Портрет нашелся — хорошего качества и в рамке, но мы решили, что нужно более красочное обрамление. Взяли большую раму и поместили в нее фанерную основу для красной материи, которая сходилась плиссированными складками в центре под портретом. Работа была не столько трудная, сколько кропотливая и деликатная.

И вот представьте себе картину: начинающий полнеть автор этих строк и по-юношески худощавый, высокий и стройный, седеющий наш генконсул. Мы ползали по полу и, делая дело,

даже покрикивали друг на друга.

Отступление в мое детство и юность. От деда осталась заповедь: добросовестное отношение к делу и доброе отношение к людям. И вот, через десятилетия, оценивая прожитое и пережитое, я думаю, что именно этой заповедью руководствовался Павел Федорович. А потому, как говорил герой Киплинга, «мы с ним одной крови!». И я рассматриваю такой вывод, как большую честь для меня.

Так в чем же «человечность» Героя моего времени в лице Павла Федоровича? В отношении к нашей семье: к жене, двоим детям и третьему, который родился в Монреале? Наша семья по масштабам совколонии была многодетной. И в это «щепетильное» время в ожидании третьего ребенка Павел Федорович взял Нину на работу в консульстве: что-то печатать, работать на телетайпе, а когда уходили в отпуск — и убирать в канцелярии.

У нас осталось такое впечатление, что рождению сына радовалась вся совколония. И в честь нового гражданина СССР и первого советского, родившегося в Монреале и даже, якобы, в Канаде, в генконсульстве был дан «бал». Возможно, это было самое людное событие, ибо каждый считал своим долгом поздравить нас с Ниной. И «сотворил» все это Павел Федорович!

Но рождение сына имело еще одно последствие. Павел Федорович, сколько мог, не отпускал с работы Нину («приходи, когда сможешь…»). И было это во время «декрета» и после него. Благо мы жили в пяти минутах от консульства. И по сей день Нина вспоминает, что именно Павел Федорович был единственным, кто оплатил ее декретный отпуск.

Павел Федорович не спешил распекать тех, кто делал ошибки, мелкие нарушения правил поведения советского человека за рубежом либо попадал в автомобильную аварию. В таком «горестном» положении он поддерживал «штрафника» и не укорял, а утверждал его в мысли, что впредь нужно быть более строгим к самому себе.

Начало семидесятых годов для Канады было временем потрясений. Это восстание «Фронта освобождения Квебека», когда Монреаль оккупировали парашютно-десантные войска англосаксов из Британской Колумбии. Город был объявлен на осадном положении, причем это было впервые за последние сто лет. Это и забастовка монреальских полицейских, явление

весьма необычное в благополучной Канаде. Это — обострение американо-канадских экономических отношений вследствие попытки канадской стороны перестать быть придатком Штатов в области сырья и рабочей силы.

Все советские организации в этой ситуации работали на сбор информации об этих событиях. Тем более что в дни активности «Фронта» по науськиванию США канадская сторона пыталась увязать его деятельность с участием советской стороны. Но, конечно, основная нагрузка в дни этих событий ложилась на коллектив генконсульства, возглавляемого Павлом Федоровичем.

Конец семьдесят первого года был труден для советской колонии еще и потому, что усилились антисоветские настроения в самом Монреале. Павел Федорович, имея хорошие отношения с мэром города, был предупрежден об активизации экстремистов из еврейской общины Монреаля, направляемой сионистскими кругами. Генконсульство попало в кольцо пикетирования активистами-антисоветчиками.

По иронии судьбы здание напротив генконсульства в тупиковой улице занимало монреальское отделение еврейского общества. Представители его день и ночь находились перед дверями консульства. Плакаты, выкрики, угрозы, ругательства на ломаном русском языке, плевки на одежду и в лицо — таким был удел сотрудников советских учреждений в Монреале, наших жен и детей.

Консультации о поведении советских людей в городе в эти дни давал Павел Федорович. Именно его связи с мэром и полицией охлаждали экстремистов. И все же инструктируемые раввином Кахане молодчики разгромили наш Интурист и Аэрофлот, сожгли автомашину во дворе генконсульства. Подожгли напалмом входную дверь учреждения. Пострадал во время тушения пожара специалист, дежуривший в ту ночь в генконсульстве. Он на всю жизнь остался хромым.

Из Москвы пришло указание отправить пострадавшего домой, несмотря на то, что лечение будет за счет канадской стороны. И торгпредство, и Павел Федорович понимали, что едва ли лечение дома будет столь квалифицированным, как это предлагали канадские врачи. Благодаря объединенным усилиям Павла Федоровича, торгпредства и даже посольства пострадавший прошел курс лечения в Канаде.

Еще со времени ЭКСПО-67 у Павла Федоровича сложились отличные отношения с мэром Монреаля Жаном Драпо

и с начальником полиции города. Мэр очень высоко ценил и гордился тем фактом, что в его городе в годовщину пятидесятилетия Советской России на столь значимой международной выставке был представлен такой грандиозный «Павильон СССР».

Мэр всегда посещал генконсульство в дни наших торжеств и подолгу задерживался там. И было видно, что наш генконсул и мэр на дружеской ноге.

Начальник полиции и те полицейские, кто работал в районе генконсульства, любили дежурить у ворот здания генконсульства в дни наших официальных праздников. Как говорили они: «за русское гостеприимство» или «за русские хлеб-соль» (последнее по-русски!).

Даже в городе не раз случалось, что «русского нарушителя» на дороге тут же прощали, узнав, что он советский и из генконсульства.

Но с начальником полиции были «особые» отношения. Это сказалось еще на ЭКСПО, когда экстремисты атаковали наш павильон, и когда бесчинствовали еврейские погромщики, воодушевленные Кахане. Их действия немедленно пресекались.

Однажды в Монреале случилось невероятное: забастовали городские полицейские, объявив бесконтрольным город на два дня. Сам глава полиции к ним присоединился. И город оказался во власти стихийной толпы: грабились магазины, мастерские, на граждан нападали…

А полицейские разъезжали в крытых грузовиках и демонстративно разбрасывали пустые банки из-под пива. Требования полицейских были просты: повысить зарплату, которая была ниже, чем в других (англосаксонских) провинциях. Она не превышала зарплату водителей автобусов.

Власть не простила этого начальнику полиции: он был снят с должности и уволен со службы. И вот парадокс: бывший глава полиции крупнейшего в стране города стал часто бывать в генконсульстве, и не только в праздничные дни (т.е. по приглашению). А затем (вероятно, не без помощи Павла Федоровича?!) он поехал в Москву и возвратился оттуда твердо уверенным, что его место в рядах канадских правозащитников и борцов за мир.

Ветеран войны, дипломат, организатор консульств в ряде стран и истовый гражданин своего Отечества Павел Федорович Сафонов оставил в наших душах след и глубокую веру в возможность быть порядочным на государственном посту. Ему претила неискренность, он был терпелив к слабостям своих

коллег, и к нему мы шли с открытой душой.

В последний день мая восемьдесят пятого года нас постигла печальная весть. Об этом мгновении в моем дневнике от 31 мая 1985 года сделана такая запись:

«Сегодня в Здравнице в три часа ночи ушел от нас Павел Федорович! Около двух часов дня мне на работу позвонила Нина. Она узнала об этом от Дины Бурковой.

Ушел от нас Человек-Эпоха, Человек — совесть века, Человек завтрашнего дня!!!

Как много радостных минут доставило нам общение с П.Ф.! Уходят лучшие из того бесконечно долгого и справедливого времени нашей Родины-Победительницы.

Ушел лучший из нас, из нашего «канадского землячества».

М.б. венок надписать: «Павлу Федоровичу — первому среди нас. Монреальцы»…

Тот скорбный день запомнился. Да и потом вспоминали мы о Павле Федоровиче и его последнем пути по земле, изредка собираясь в узком кругу. Провожали Павла Федоровича «монреальцы» «по-семейному»: Дина и Герман Бурковы, Людмила и Геннадий Свешниковы (Морфлот), Лиза и Леонид Корсики (Интурист), Нина и Анатолий Максимовы (торгпредство).

Государственного значения Человеку наша маленькая группа «монреальцев» отдавала и гражданские почести, и офицерскую честь, ибо трое из нас были «дважды профессионалы».

Не претендуя на строгие каноны в стихосложении, провожая в последний путь нашего Главного Монреальца, сердце позвало к бумаге и перу. И вот что решаюсь представить на суд моих коллег по совколонии, родных и друзей Павла Федоровича.

ДОБРЫЙ СЛЕД
(памяти Павла Федоровича Сафонова)

Он людям добрый след оставил,
Шагнув с Кубани далеко.
Он Родину делами славил,
Честь нёс по миру высоко!
Был труд достойный на Амуре,
Где город рос из ничего.
Шел поперек фашисткой буре —
То ратный подвиг был его.
Десятки стран изъездил он,
Как дипломат, служа.

И хоть нелегкий путь пройдён —
Чиста его душа.
Он много подарил тепла
Друзьям, товарищам, родным.
Большим потоком жизнь его текла…
Тем горше расставаться с ним.
Пал Федорыча провожаем мы
В последний его путь.
И словно свет близкой звезды,
Ты в жизни нашей будь?!
Прощай, партийный Человек,
Муж государства, славный воин:
Клянемся, что в тревожный век
Тебя мы все будем достойны!

Москва, Гольяново 31.05.1985

Именно о таких людях сказал русский историк и философ Дмитрий Эдуардович Харитонович:

«В реальности существуют люди…
Нет политической истории, есть история людей…»

Дмитрий Фёдорович Сафонов

1909 - 2015 г

Воспоминания старшего брата

В детстве за Павлом Федоровичем Сафоновым довольно прочно закрепилось прозвище «Пузатый», хотя в действительности пузатым он никогда не был. А прозвали его так потому, что в летнее время, когда созревали всякие фрукты и овощи, он изничтожал их в неограниченных количествах и самым примитивным образом — без ножа, вилки и, уж конечно, без салфетки, — а от стекавшего на его рубаху сладкого сока, особенно от арбузов и дынь, она затвердевала и отдувалась на животе коробом.

Весной 1918-го года на нас, четверых детишек мал-мала меньше, свалилась по-настоящему большая беда: умерла наша мама. Она умерла от «испанки» — свирепствовавшей в те годы на Кубани разновидности вирусного гриппа. В солнечные пасхальные дни, когда все мы, дети, играли во дворе в «крашенки» (крашеные яйца), старшая сестра Нина выскочила из дома с истерическим плачем и бросилась обнимать нас, сообщая что-то непонятное из-за душивших её слёз, но, по-видимому, очень важное. Потом мы все-таки поняли, что умерла мама и что мы стали вдруг сиротами.

Старшей сестре шёл тогда одиннадцатый год, мне девятый, а младшим Шуре и Павлу — шесть и четыре года соответственно. В моей голове никак не укладывалось, чтобы наша единственная мама, в которой я души не чаял и которую считал самой лучшей из всех мам — чтобы её вдруг не стало. Это представлялось мне совершенно невероятным.

А спустя какое-то время вернулся с войны отец, уже вдовцом. Сильно тосковал по матери, это было заметно и мне, малышу. Бывало, долго смотрит на нас, детей, и вдруг, ни с того ни с сего, быстро встанет и уйдет молча в другую комнату или во двор — стеснялся, видимо, показывать навернувшиеся на глаза непрошеные слёзы.

Не прошло и полгода после смерти матери, как до нас, детей, дошел слух, что отец собирается жениться и привести нам мачеху, так как бабке не под силу справляться со всеми нами. Видимо, она и наседала на него с этой женитьбой, кто же еще? И мы страшно расстроились из-за этой новости, от того, что скоро попадем в полную зависимость от злой мачехи. А что она будет злой, мы в этом не сомневались — какой же еще ей быть, ведь мачехи бывают только злыми и вредными. Но судьба распорядилась по-своему: во время поисков по хуторам для нас мачехи отец где-то заразился тифом и, недолго проболев, умер.

Став круглыми сиротами, мы, дети, оказались на попечении нашей бабки.

Мои братья были очень разными. Шурка, будучи еще пацаном, проявил склонность к всякого рода коммерческой деятельности: любил и умел у кого-нибудь что-то выгодно перекупить, а то и просто выманить. Отличался особой бережливостью, граничившей со скопидомством, к накоплению денег, какими бы малыми они ни были, часто отказывал себе в удовольствиях ради того, чтобы сберечь впрок лишний гостинец или копейку. И этими средствами норовил поставить в зависимость от себя своих братьев или сверстников, что ему нередко удавалось. Будь Шурка сейчас жив и помоложе, в наше теперешнее время он мог бы стать крупным коммерсантом, а то и банкиром.

Павел же, в отличие от Шурки, был большим простаком и обмануть его в какой-либо коммерческой сделке не составляло никакого труда, чем Шурка всегда и пользовался. Появлявшиеся съедобные гостинцы Павел тут же съедал, если до этого Шурка не успевал «выдурить» их у него. Он легко расставался и с оказавшимися в его руках гривенниками и пятиалтынными: «А на шо воны мэни здалысь, шо можно купыть за таки мали гроши — обычно говорил он — а то ще загублю» (в смысле потеряю), и отдавал их мне или Шурке. (В те годы мы, дети, разговаривали на таком русско-украинском языке, а точнее — на его кубанском диалекте).

Но была у Павла одна выдающаяся черта, которую он сохранил на всю жизнь — это его изобретательность, он всегда что-то мастерил, что-то придумывал, что-то усовершенствовывал. Вот, например, изобрел «агрегат» для очистки стебля сурепки от кожицы. Есть такое растение на Кубани, стебель которого, если его очистить, — сладкий и сочный. И очищался он от кожуры довольно легко вручную. Но Павлу захотелось механизировать этот процесс. И он изобрел и изготовил приспособление, с помощью которого действительно можно было очистить сурепку, хотя на это затрачивалось намного больше времени и усилий, чем на её очистку вручную, и сама сурепка становилась изрядно помятой. Но это не обескураживало изобретателя, он упорно продолжал совершенствовать и внедрять свое детище.

И он многого добивался в этом направлении. А главное — это все же механизация, технический прогресс. И уже будучи взрослым, когда мы жили с ним на общей даче под Москвой и занимались огородничеством, Павло (так, на кубанский манер,

я называл его и позже) поражал меня своей изобретательностью. Он органически не мог мириться с монотонным ручным трудом и всячески старался механизировать его, облегчить, упростить. И многого добивался в своих выдумках, начиная от приспособлений для равномерной посадки семян, автоматического полива растений и кончая устройствами для осторожного съема спелых фруктов, агрегатом для размельчения больших комьев почвы и всевозможными разбрызгивателями для орошения грядок и лужаек.

А чего стоило его изобретение для отпугивания птиц — нарисованные на листе блестящей жести страшные глаза какого-то животного, — это отлично срабатывало!

Руки у Павла были «золотые», если говорить о всякого рода механических поделках, и он любил этим заниматься. Не зря же его друзья и знакомые называли его Кулибиным.

Запомнилась история с моими настенными часами, доставшимися мне из каких-то немецких трофеев. Шли они неплохо и довольно точно показывали время. Но однажды по неосторожности я зацепил их стремянкой, и часы, ударившись о пол, разлетелись, что называется, в «пух и прах». Собрав останки в чудом уцелевший деревянный корпус, я оставил их на виду в передней, чтобы вынести потом во двор в мусорный бак. Увидев этот лом, Павло попросил его у меня «на запчасти». А когда мы выехали весной на дачу, он принес мне возрожденные из небытия мои трофейные часы. Утерянные или поломанные детали он изготовил из подручных материалов, в том числе из консервных банок. Я повесил их в кухне, не очень-то надеясь на то, что они смогут исправно нести положенную службу. С тех пор они висят там вот уже более полвека. И не просто висят, а служат верой и правдой, не уступая по своей точности кремлевским курантам…

Но возвращаюсь к нашим детским годам. Как-то само собой получилось, что мы с сестрой негласно поделили младших между собой: у Нины под опекой оказался Шурка, а я стал опекать Павла. И никому в обиду мы своих подопечных не давали, старались в меру своих сил и возможностей защищать их. И хотя я вскоре расстался с хутором — уехал сначала в Ленинград, а затем по комсомольской мобилизации на дальневосточную путину, — наша с Павлом особая привязанность друг к другу сохранилась до конца.

Наши встречи всегда были для меня большой радостью

и случались они, как правило, неожиданно — Павло любил «возникать» без предупреждений. Так было, в частности, во Владивостоке, где он объявился вдруг после почти десятилетней разлуки со мной на хуторе. Придя с работы, я обнаружил спящего на моей кровати какого-то парня, которого смог распознать только после того, как разбудил его. Передо мной оказался никто иной, как мой единоутробный меньшой брат во всей своей красе: молодой, лет 17—18 юноша в комсомольском костюме защитного цвета (вошедшей в те годы в моду с лёгкой руки лидера немецких коммунистов Тельмана «юнгштурмовке») и со своей, так хорошо мне знакомой добродушной улыбкой простака, мой «подопечный» Павло!

Оказалось, что он с большой группой комсомольцев-энтузиастов был направлен ранней весной 1932-года на строительство авиационного завода где-то в дальневосточной тайге (вокруг которого возник потом новый город-герой, Комсомольск-на-Амуре). Стройка эта в оборонных планах страны числилась в ряду первоочередных и, как «ударная», была возложена на комсомол. Но поскольку первопроходцы прибыли в Хабаровск слишком рано, когда река Амур, по которой им предстояло отправиться к месту назначения, была еще покрыта льдом, они вынуждены были задержаться там в ожидании, когда река станет судоходной. Вот Павло и воспользовался этой заминкой, чтобы навестить своего «опекуна» во Владивостоке.

Следующая встреча с ним состоялась лет через пять или шесть в Москве, где я тогда учился, и тоже для меня совсем неожиданно. Придя из института, я застал в комнате общежития Павла, беседовавшего за чаем с моей женой и двухлетней дочуркой. И на этот раз он навестил меня не специально, а «завернул по пути»… в Америку, куда Авиапром направлял его с двумя или тремя такими же передовиками строительства и производства для прохождения практики на авиационных заводах США. Теперь он выглядел иначе, чем при нашей встрече во Владивостоке: это был уже молодой мужчина в расцвете сил, по всему облику которого сразу было видно, что перед вами незаурядный руководитель либо строительства, либо производства. Тогда он был начальником одного из ведущих цехов завода в Комсомольске. И принарядили его, как надо, чтобы показаться американцам — в отличном костюме, дорогом, модном тогда, кожаном пальто и, конечно, в фетровой шляпе. Я искренне гордился своим преуспевающим младшим братом и с нескрываемым удовольствием знакомил с ним моих коллег-студентов.

А через несколько лет, когда я уже заканчивал свой институт — опять встреча в Москве: на этот раз Павла командировали на учебу в Промышленной академии, где руководителей народного хозяйства страны. Теперь он приехал в Москву не один, а с молодой, красивой женой-спортсменкой.

Пожили они тогда какое-то время у нас в общежитии, — а затем решили обзавестись своим жильём. Купили в одном из окраинных районов Москвы, в Перово, полдома, отремонтировали и оборудовали его по своему вкусу и зажили счастливо своей семьей. Там у них родилась дочь Наташа, оттуда же Павел ушел добровольцем в армию — шла уже Вторая мировая война.

Однако самой неожиданной для меня была встреча с Павлом спустя семь лет в США, где я работал тогда в Секретариате Организации объединенных наций. Моя постоянная квартира находилась в Нью-Йорке. А на летнее время мы с одним из соотечественников снимали небольшой домик в загородном посёлке вблизи штаб-квартиры ООН, размещавшейся в первые годы после её создания за городом, километрах в 30—35 от Нью-Йорка, в местечке с лирическим названием «Лэйк саксесс».

Ранней осенью, в один из выходных дней в нашем дачном домике раздался телефонный звонок, спрашивали меня. Звонил Павло, и слышимость была настолько хорошей, что я не преминул сказать ему об этом, так как был уверен, что звонит он из Москвы. Поняв моё заблуждение, Павло не стал меня переубеждать, а сказал, что говорит «по правительственной линии» и поэтому очень ограничен во времени. Поинтересовавшись коротко моими делами и здоровьем семьи, спросил, где я в данный момент живу, так как на мою городскую квартиру он никак не мог дозвониться. Мой ответ, что живу на даче, его не удовлетворил, и он попросил сообщить ему «на всякий случай» точный адрес, авось подвернется какая-нибудь оказия.

На этом разговор и закончился, время у Павла истекло. А через какой-то час, не больше, к нашему дачному домику подъехало такси и из него вышел… Павло — худой, стриженый под машинку, совсем не похожий на того импозантного мужчину, которого я видел в последний раз перед его уходом в армию. То ли в армии его так измотало, то ли в Москве жилось пока еще тяжело…

И Павло рассказал, что после демобилизации его направили в распоряжение Министерства иностранных дел СССР. Было принято в расчет то, что он уже побывал на работе за рубежом

и владел английским языком А теперь он приехал в Нью-Йорк в составе технической группы на открывающуюся через несколько дней сессию Генеральной ассамблеи ООН. Вот так мы оказались с ним в одном и том же ведомстве, где проработали до конца своей трудовой деятельности. Однако и здесь мы встречались нечасто: то я в длительной загранкомандировке, а он в Москве, то наоборот — он в отъезде, а я дома.

Когда я работал в Африке, в Уганде, я с интересом и с радостью узнал из газет, что мой «подопечный» — давно переставший нуждаться в какой-либо опеке и научившийся уже сам опекать других (что делал с большой охотой и бескорыстием) — назначен Генеральным консулом СССР в Монреале, где в скором времени должна была открыться Всемирная выставка ЭКСПО—67.

Окончательно же наши с Павлом пути сошлись только тогда, когда мы оба оказались на заслуженном отдыхе и проводили его на нашей общей даче под Москвой. Там оказалось у нас более чем достаточно времени и для взаимного общения, и для воспоминаний, и для проявления своих наклонностей и способностей.

Именно тогда зародилась у нас идея осуществить «путешествие в детство», посетить места, где мы провели наше детство и раннюю юность. И мы, все три брата (Александр жил в Ленинграде и тоже был уже на пенсии) осуществили его, отправились на Кубань к нашим пепелищам и могилам наших родителей. Но это уже другая тема…

Д. Ф. Сафонов 2002 г

notes

Примечания

1

Тральфамадор — придуманная писателем планета, населенная мудрыми тральфамадорцами.

2

Здесь и дальше в дневнике соблюдена характерная орфография тех лет. До 1918 года в русском языке в конце каждого слова, оканчивающегося на согласную, ставился твердый знак (ъ). Декретом 1918 года это правило было отменено, а литера «ъ» была насильно изъята из наборных касс типографий. Приходилось использовать в качестве разделительного знака апостроф «’». Так привыкли делать и в рукописных текстах.

3

Здесь и далее географические названия, впервые воспринятые автором дневника на слух, могут быть искажены.

4

Так автор дневника впервые воспринял на слух название города.

5

Название воспринято автором на слух.

6

Израиль Яковлевич Вилинов — друг Павла Сафонова, работавший вместе с ним в Комсомольске. В 1938 г. пострадал от сталинских репрессий.

7

В эти дни у Павла появился простейший фотоаппарат «Кодак», и теперь его дневниковые записи сопровождаются фотографиями. Сначала фото не очень удачные, далее всё лучше. Многие из них снабжены подробными пояснениями и датами съемки на обороте, а иногда и на лицевой стороне.

8

В те годы в советских городах запрещалось фотографировать улицы без специального разрешения властей.

9

Кузьма Дмитриевич Кузнецов — начальник строительства и директор авиационного завода в Комсомольске-на-Амуре. В 1938 г. был репрессирован. Дальнейшая его судьба неизвестна.

10

Chief — шеф, начальник